

Главный редактор

В. М. Орел

Редакционная коллегия

Г. И. Абелев, Д. А. Баюк (зам. главного редактора), О. П. Белозеров (отв. секретарь),
В. П. Борисов, В. Б. Брагинский, Вл. П. Визгин, Н. Ф. Глазовский ,
Г. Г. Григорян, С. С. Демидов, И. С. Дмитриев, В. Д. Есаков, Ю. А. Золотов,
С. С. Илизаров, С. П. Инге-Вечтомов, В. П. Козлов, Э. И. Колчинский,
Н. И. Кузнецова, В. В. Малахов, В. С. Мясников, А. Н. Паршин, В. Л. Пономарева,
А. В. Постников (зам. главного редактора),
И. Е. Сироткина, Д. А. Соболев

Международный редакционный совет:

Джессика Ванг (Канада), Лорен Грэхэм (США), Лиу Дунь (КНР),
Владимир Кирсанов (Россия), Кеннет Кноспел (США),
Алексей Кожевников (Россия), Лидия Кожина (Россия),
Джон Криге (США), Юрий Наточин (Россия),
Доминик Пестр (Франция), Ганс Йорг Райнбергер (ФРГ),
Нильс Ролл-Хансен (Норвегия), Вячеслав Степин (Россия),
Дуглас Уинер (США), Дэвид Холлоуэй (США),
Юрий Храмов (Украина), Саймон Шейфер (Великобритания)

Редакторы – Фирсова Галина Александровна,
Белозеров Олег Петрович (информационный раздел)
Заведующая редакцией – Дроздова Людмила Николаевна

Сдано в набор 24.12.2005.   Подписано к печати 17.02.2006.   Формат бумаги 70 × 100¹/₁₆
Офсетная печать.   Усл.печ.л. 18,2.   Усл.кр.-отт. 10,2 тыс.   Уч.-изд.л. 23,0.   Бум.л. 7,0
Тираж 551 экз.   Заказ 1062

Учредители: Российская академия наук,
Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН

Издатель – Научно-производственное объединение «Издательство "Наука"»
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 119991, Москва, Мароновский пер., 26.
тел: (095) 238-4142, 928-1190, факс: (095) 925-9911
E-mail: viet2005@yandex.ru. Home page: www.ihst.ru/JOURNAL.HTM
Отпечатано в ППП «Типография "Наука"». 121099, Москва, Шубинский пер., 6

© Российская академия наук, 2006 г.

© Редколлегия журнала «Вопросы истории естествознания и техники» (составитель), 2006 г.

К. О. РОССИЯНОВ

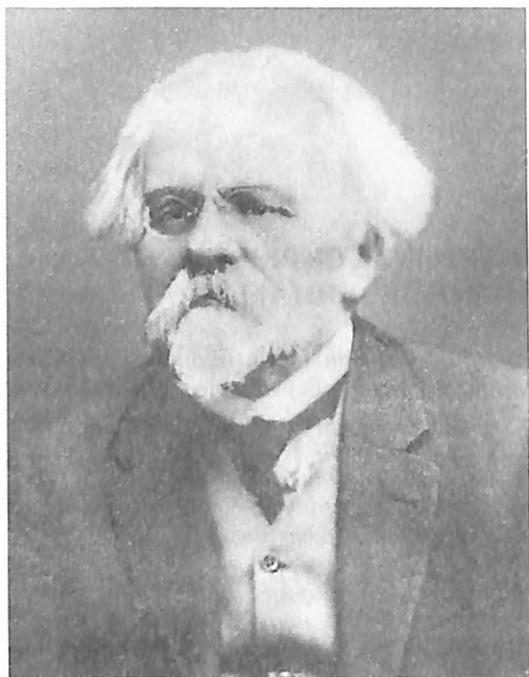
ОПАСНЫЕ СВЯЗИ: И. И. ИВАНОВ И ОПЫТЫ СКРЕЩИВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА С ЧЕЛОВЕКООБРАЗНЫМИ ОБЕЗЬЯНАМИ *

В 1920-е гг. в Советском Союзе предпринимались попытки гибридизации человека и человекообразных обезьян. Хотя организаторы опытов преследовали научные цели, но мы не вправе уходить и от вопроса о более общем, во многом символическом содержании этих исследований. Были ли опыты «унижением» и «поруганием» человека перед лицом бездушной, манипулятивной науки? Либо, напротив, его «освобождением», довершая уничтожение социальных перегородок – классовых, сословных, национальных – разрушением стесняющих личность «оков» собственного вида? И означало бы рождение гибрида также и «освобождение» ближайших к нам видов человекообразных обезьян? Вопрос о культурном символизме является одновременно вопросом нравственной оценки, что представляется особенно важным сейчас, когда стремительное развитие биотехнологии поставило создание «гибридов» и «химер» человека и животных в «повестку дня».

В феврале 1926 г. советское правительство и Академия наук СССР командировали в Африку крупнейшего специалиста в области искусственного осеменения домашних животных профессора Илью Ивановича Иванова (1870–1932). Целью поездки была постановка опытов искусственного оплодотворения самок шимпанзе семенем человека. Скрещивания намечалось провести в обезьяньем питомнике, который незадолго до этого был организован парижским Институтом Пастера в местечке Киндия во Французской Гвинее; планы Иванова были поддержаны директором института Эмилем Ру и его заместителем Альбером Кальметтом. Но из-за многочисленных препятствий, – в первую очередь, из-за сложности работы в непригодной для лабораторных исследований обстановке экваториальной Африки – Иванов оказался не в состоянии осуществить задуманные опыты в полном объеме, так и не получив убедительных доказательств ни «за», ни «против» возможности рождения гибридов человека и человекообразных обезьян. По возвращении в Советский Союз осенью 1927 г. Иванов намеревался продолжить опыты в созданном вскоре после его поездки питомнике обезьян в Сухуми, а их проведение даже было включено в проект первого пятилетнего плана питомника. Однако 13 декабря 1930 г. Иванова арестовали, после многомесячного заключения отправили в ссылку в Алма-Ату, где он 20 марта

---

* Мы глубоко признательны профессору Петру Николаевичу Скаткину за разрешение использовать материалы личного архива И. И. Иванова, сохраненного в тяжелейших условиях П. Н. Скаткиным и переданного впоследствии в Центральный государственный архив Московской области. Статья подготовлена при финансовой поддержке фонда Герды Хенкель (Gerda Henkel Stiftung, грант № 01/SR/03).

*И. И. Иванов, 1920-е гг.
Иконотека ИИЕТ РАН*

1932 г. скоропостижно умер от кровоизлияния в мозг. В результате опыты остались незавершенными, а история африканской экспедиции была на долгое время забыта.

В немногочисленных публикациях, посвященных опытам Иванова, бросается в глаза любопытная особенность. Иванов предстает в них либо как серьезный ученый, но тогда нравственное измерение его исследований не рассматривается вовсе, либо, напротив, на первый план выдвигается аморальность опытов, но самого Иванова трактуют тогда как шарлатана, отказываясь видеть в его работах какое-либо научное содержание. Такого мнения придерживается, в частности, Г. Файман, опубликовавший в 1991 г. подборку документов об африканской экспедиции Иванова и расценивший все предприятие как чистой воды авантюру и спекуляцию на атеизме и материалистических воззрениях большевиков – финансовых спонсоров Иванова. В недавно вышедшей книге

О. Шишкина опыты скрещивания предстают как затея визионера, стремящегося населить Землю гибридами-человекообезьянами. Иванов, однако, вовсе не стремился к массовым скрещиваниям – речь шла о строго научных и при этом единичных экспериментах. С другой стороны, ученик Иванова профессор П. Н. Скаткин в опубликованной вскоре после официальной реабилитации своего учителя биографии, хотя и описывает историю этих опытов неполно, что, очевидно, связано с цензурными ограничениями советского времени, но в то же время характеризует их как замечательную попытку получить новые данные о возможных предках человека. Замечательную еще и потому, что в прошлом, до Иванова, подобные исследования были невозможны, ибо шли вразрез с религиозной догмой. Этому же взгляду придерживается историк приматологии Э. П. Фридман¹.

Занять иную позицию и не возводить «китайской стены» между научным содержанием опытов и их моральной оценкой, по-видимому, намного сложнее. Соглашаясь с мнением П. Н. Скаткина о значимости опытов, трудно в то же время отделаться от вызываемого ими чувства отвращения. Однако – и в этом,

¹ Файман Г. Дневник доктора Борменталья, или Как это было на самом деле // Искусство кино. 1991. № 7. С. 94–100. № 8. С. 77–81. № 9. С. 155–160. № 10. С. 155–160; Шишкин О. Красный Франкенштейн. Секретные эксперименты Кремля. М.: Ультра.Культура, 2003. С. 281–282; Скаткин П. Н. Илья Иванович Иванов – выдающийся биолог. М.: Наука, 1964; Фридман Э. П. История Сухумского питомника обезьян в аспекте развития медико-биологических исследований на приматах. Дисс. на соискание ученой степени канд. биол. наук. Сухуми, 1967.

на наш взгляд, заключается главная проблема – интуитивное убеждение в аморальности скрещиваний не подкрепляется ясными этическими доводами. Ведь «успех» опытов принес бы настолько очевидное доказательство близости двух видов друг к другу, что мы не могли бы больше считать шимпанзе (а скорее всего, и других антропоидных обезьян) животными. Осуждая подобные опыты, мы исходим из представления о кардинальном различии, о «пропасти» между человеком и животным, но правильно ли тогда – вершить суд над исследованиями, свидетельствующими о том, что «пропасти»-то и нет, что ее можно в любую минуту «засыпать»?

Обосновать представление о жестко фиксированных и абсолютно непроницаемых границах в современном мире действительно очень трудно. Идея человеческого общества как замкнутой «корпорации» представляет очевидный контраст тому процессу размывания «естественных» границ, что медленно, но неуклонно происходит внутри самого человечества. Ведь изменение собственной идентичности – культурной, религиозной, национальной, гендерной, половой – признается ныне неотъемлемым, суверенным правом личности. А значит, принадлежность к той или иной человеческой общности определяется не только и не столько «фактом рождения», сколько личным выбором, актом добровольной самоидентификации.

С другой стороны, нетрудно заметить, что аналогичный процесс совершается и в природе: созданные человеком и уже повсеместно распространенные трансгенные, или генетически модифицированные, организмы, в геном которых искусственно включены чужеродные гены, взятые у других видов, заставляют задуматься о «естественности» межвидовых границ, поскольку дальнейшее их существование становится вопросом удобства, «инженерного» расчета или простой человеческой прихоти. Так стоит ли упрямо настаивать на абсолютной неприкосновенности границы, которая отделяет человека от других видов, коль скоро идея «естественного порядка» и «естественных границ» все больше и больше теряет свой смысл? Если идея эта не обладает больше обязательной силой ни для мира человека, ни для мира природы, то почему некогда любимой должна оставаться граница, отделяющая оба этих мира друг от друга?

Особенно актуальными эти вопросы становятся потому, что нам, возможно, предстоит столкнуться с повторением подобных экспериментов в той или иной форме в будущем, учитывая стремительное развитие генетической инженерии и клеточной биологии. Наиболее «обещающей» в этом отношении выглядит методика создания межвидовых химер, заключающаяся в искусственном соединении и «перемешивании» зародышевых клеток двух разных видов на ранней стадии эмбрионального развития. Недавно американскому исследователю И. Вайсману (I. Weissman) удалось вывести мышей-химер, у которых примерно один процент мозговых клеток (нейронов) происходит от клеток человека. При этом пожелавший увеличить долю человеческих клеток Вайсман сам же и обратился в университетскую комиссию по биоэтике с просьбой указать, какая доля человеческих клеток в мозгу мышей этически допустима! Между тем специалисты по биоэтике – авторы специальной статьи, посвященной созданию подобных химер, – не смогли найти ясных этических аргументов и, выступая против проведения таких экспериментов, ограничились в итоге указанием на «нравственное замешательство», которое опыты, по их мнению, неминуемо вызовут ².

² Weiss, R. Of mice, men and in-between: Scientists debate blending of human, animal forms // Washington Post. 20.11.2004; Robert, J. S., Baylis, F. Crossing species boundaries // The American Journal of Bioethics. 2003. Vol. 3. № 3.

Уже в 1970-е гг. первые успехи генетической инженерии породили серьезную обеспокоенность и стали восприниматься как угроза глубоко укорененным культурным и моральным ценностям. Свое классическое выражение обеспокоенность эта нашла в образе «играющего Бога (playing God)», – человека науки, безответственно «пересоздающего» как другие виды живых существ, так и собственную, человеческую природу. С другой стороны, высказывалось мнение, что новые достижения науки вообще и биотехнологии в частности могут быть связаны с развитием наших ценностей также и позитивным образом, поскольку, дестабилизируя застывшие идентичности и границы, заставляют заново продумывать то, что казалось или кажется неизменным³. И здесь-то, – предполагая, что современная биология не только таит в себе разного рода угрозы, но и открывает новые перспективы культурной и моральной рефлексии, – исследования Иванова приобретают особую цену. Ведь историческая дистанция дает, как правило, эффект «объемного» зрения, и можно надеяться, что, анализируя отстоящие на вот уже 80 лет события, нам легче будет отделять подлинные ценности от преходящих культурных стереотипов и идеологических табу.

Рассматривая в первой главе ранние работы Иванова в области искусственного осеменения домашних животных, мы становимся свидетелями того, как политика ускоренной модернизации «сверху» делает чрезвычайно уязвимыми коренящиеся в «традиционной» культуре разграничения между «естественным» и «неестественным». Этим разграничениям как будто противопоставляется рациональный или научный подход. При этом экспериментальные исследования не могут быть «неестественными», поскольку направлены на установление научной истины – единственной доступной нам «сути вещей». Но являются ли задуманные Ивановым опыты скрещивания человека с обезьяной всецело научными, либо же к ним примешиваются и некие, явные или неявные, идеологические представления? Вопрос этот становится ключевым во второй главе, в которой исследуется отношение к планам Иванова ученых, – как в Советском Союзе, так и за границей. О самих опытах рассказывается в третьей главе, а сценой действия становится тропическая Африка, где не только живут и размножаются обезьяны, но и процветают позорные расистские стереотипы. Эти стереотипы накладываются у Иванова на восприятие им подопытных шимпанзе, но одновременно становятся помехой и для нашего зрения, мешая в конце концов увидеть, в чем заключается настоящий, а не продиктованный стереотипами смысл отделяющей нас от других видов границы. История достигает кульминации в четвертой главе, когда в поисках этого смысла мы снова переносимся в Советский Союз, – теперь уже конца 20-х гг., стремительно освобождающийся от последних «буржуазных предрассудков» и превращающийся в широкое поле культурных и социальных экспериментов. Наконец, в заключении мы задаемся вопросом о значении опытов Иванова с точки зрения современных дискуссий о человеческой природе, а также этике отношений с другими биологическими видами.

---

³ Goodfield, J. *Playing God: genetic engineering and the manipulation of life*. New York: Random House, 1977; Haraway, D. *A Manifesto for cyborgs: science, technology, and socialist feminism in the 1980s* // *Australian Feminist Studies*. 1987. Vol. 4. P. 1–42.

1. Искусственное осеменение и проблема «догоняющего» развития

И. И. Иванов вошел в историю как пионер массового применения искусственно осеменения в животноводстве. Благодаря его деятельности, метод начал широко использоваться в России еще до Первой мировой войны, т. е. на 25–30 лет раньше, чем в странах Европы и Америки⁴. Так что же позволило Иванову вывести «отсталую» царскую Россию в мировые лидеры? Причины, как увидим, во многом схожи с теми, что обусловили проведение опытов гибридизации в 1920-е гг. Необычные, неординарные, а некоторым казавшиеся откровенно дикими, идеи Иванова находили поддержку у патროнов: царских бюрократов до революции и большевиков после нее, – как раз благодаря острому ощущению «отсталости» и желанию во что бы то ни стало ее преодолеть, догнать развитые страны, действуя при этом «сверху» и опираясь в том числе на достижения науки и техники. И в этом отношении опыты скрещивания человека и обезьяны, немислимые в царской России, предстают не только как порождение новой «идеологии», но и как продолжение сложившейся еще до революции тенденции: опережающее развитие научных исследований выглядит как своего рода ответ на общую «отсталость» страны.

И. И. Иванов родился в 1870 г. в городе Щигры Курской губернии в семье надворного советника, чиновника губернского казначейства. По окончании в 1896 г. Харьковского университета, где молодой Иванов изучал физиологию животных, он за свой счет отправился в заграничную поездку, в ходе которой прошел, в частности, теоретический и практический курсы бактериологии в Институте Пастера в Париже. Однако вскоре его интересы изменились, и, когда в 1898 г. Иванов вернулся в Петербург, предметом его исследований стала физиология размножения, ей он начал заниматься в лаборатории известного биохимика М. В. Ненцкого в Императорском Институте экспериментальной медицины (ИЭМ). Несколько позднее он стал проводить свои эксперименты и в лаборатории И. П. Павлова, освоив, в частности, павловскую фистульную методику и применив ее к изучению половых желез млекопитающих, а также в Особой зоологической лаборатории Академии наук под руководством всемирно известного эмбриолога А. О. Ковалевского⁵.

Его эксперименты очень рано оказались связаны с методом «искусственного осеменения», или «искусственного оплодотворения», дальнейшее развитие которого и стало, в сущности, основным делом его жизни. Значение работ Иванова в этой области оттеняется крайне скромными масштабами применения метода не только в тогдашнем животноводстве, но даже и в медицине: хотя он использовался там для борьбы с бесплодием с конца XVIII в., однако число рожденных детей не превыси-

⁴ См.: *The Artificial Insemination of Farm Animals* / Ed. by E. Perry. New Brunswick: Rutgers Univ. Press, 1955. P. 5–8; *Folsome, C. E. The status of artificial insemination: a critical review* // *American Journal of Obstetrics and Gynecology*. 1943. Vol. 45. P. 915–927.

⁵ Результаты научных работ этого периода подытожены в: *Иванов И. И. Искусственное оплодотворение млекопитающих* // Архив биологических наук. 1906. Т. 12. № 4/5. С. 376–509; текст также опубликован во французской версии журнала *Archives des sciences biologiques*. 1906. Vol. 12. № 4/5. P. 377–511; список трудов Иванова см.: *Скаткин П. Н. Илья Иванович Иванов – выдающийся биолог...*; документы о раннем периоде жизни и творчества находятся в Центральном государственном архиве Московской области в личном архивном фонде Иванова (ЦГАМО, ф. 837).

ло к 1911 г., согласно литературным данным, 51⁶. И, разумеется, в медицинской практике нельзя было рассчитывать на широко проводимые эксперименты, которые позволили бы планомерно совершенствовать методику, – эта возможность открылась для Иванова, когда он решил начать работать в практическом животноводстве, и прежде всего, коневодстве⁷.

Но если у академических ученых работы Иванова вызывали большой интерес и перед ним по-прежнему были открыты двери их лабораторий, то применение метода в животноводстве натолкнулось на сопротивление практиков – специалистов в области зоотехнии и разведения домашних животных. В России, как впрочем и в других странах, широко распространенными были опасения, что «неестественные» в данном случае условия размножения приведут к появлению слабого и нежизнеспособного потомства, а возможно, и к вырождению. Как отмечали историки, самым, возможно, главным результатом развития современных репродуктивных технологий становится изменение наших представлений о «естественном», «очевидном», «само собою разумеющемся». Однако в случае искусственного осеменения потребовался длительный переходный период, прежде чем постулируемая связь между «ощущениями» родителей и качеством потомства стала восприниматься как нелепый и ни на чем не основанный предрассудок. Ведь даже в 1920–1930-е гг. некоторые коннозаводчики по-прежнему верили, что если в обычной практике использование искусственного осеменения допустимо, то для получения «выдающихся» представителей породы оно абсолютно не подходит, ибо в этом случае необходимо известного рода «вдохновение» – особое психическое состояние обоих родителей⁸.

Об атмосфере, сложившейся вокруг исследований Иванова, напишет его младший современник и ученик – видный эмбриолог М. М. Завадовский, подчеркивая враждебность к его работам специалистов-зоотехников и животноводов, полагавших,

что техника искусственного осеменения имеет протivoестественный характер [...] Я впервые в жизни столкнулся с проявлением резкой борьбы с прогрессивным делом в области науки [...] Люди старых консервативных взглядов незаконно, грубо и логически неоправданно готовы были очернить человека только потому, что достигнутые им результаты противоречили их привычным представлениям о природе вещей. А Иванов, подобно Давиду, боролся с могучим Голиафом суеверия, самоуверенности, консерватизма и устоявшихся традиций. Уже позднее, наблюдая за этим небольшо-го роста человеком с седым венцом волос на голове и с внимательно глядящими серо-голубыми глазами на тонком, худом лице – с глазами, которые выражали опасе-

⁶ Rohleder, H. O. Die Zeugung beim Menschen. Eine sexualphysiologische Studie aus der Praxis. Mit Anhang: Die künstliche Zeugung (Befruchtung) beim Menschen. Leipzig: Georg Thieme, 1911; о ранней истории метода искусственного осеменения в медицине см.: Poynter, F. N. L. Hunter, Spallanzani, and the history of artificial insemination // *Medicine, Science, and Culture: Historical Essays in Honor of Owsei Temkin* / Ed. by G. Stevenson, R. P. Multhauf. Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press, 1968. P. 97–113.

⁷ О ранних экспериментальных работах Иванова в области животноводства подробнее см.: Скоткин П. Н. Илья Иванович Иванов – выдающийся биолог... *Rossitanov K. Beyond species: Илья Ivanov and his experiments on cross-breeding humans with anthropoid apes* // *Science in Context*. 2002. Vol. 15. P. 277–316.

⁸ См.: Шекин В. А. Несколько слов об искусственном оплодотворении (дискуссионно) // *Коннозаводство и коневодство*. 1922. 26 октября. С. 1; Orland, B. Die menschliche Fortpflanzung im Zeitalter ihrer technischen Reproduzierbarkeit: Die Normalisierung der Reproduktionsmedizin seit den 1970er Jahren // *Technikgeschichte*. 1999. H. 4.

ние, что сейчас последует нападение, я нередко думал: «Как он одинок! Каким чудом этот сутулящийся, физически слабый человек держит ту тяжесть, которую он сам возложил на свои плечи. Какую веру в свое дело нужно было иметь, чтобы выносить это одиночество, невнимание, подчас пренебрежение»⁹.

И все же история исследований Иванова была не только историей непонимания и одиночества, но и успеха, победы над «предрассудками». В 1909 г. он смог организовать собственную лабораторию – так называемое «Физиологическое отделение» Ветеринарной лаборатории, состоявшей, в свою очередь, при Ветеринарном управлении МВД. Именно ветеринары (а не специалисты в области зоотехнии) стали основными проводниками и распространителями метода. И объяснялось это не только централизованной организацией правительственной ветеринарии, но и тем, что в Ветеринарной лаборатории существовала система регулярно проводившихся «повторительных курсов» (что-то вроде нынешних курсов повышения квалификации), на которые приглашались специалисты, состоявшие не только на правительственной, но и на земской службе. Успеху в немалой степени способствовало и то, что Иванов смог упростить инструменты для искусственного осеменения, сделав возможным применение их в полевых условиях. А Главное управление государственного коннозаводства пошло даже на то, что согласилось за свой счет приобретать наборы этих инструментов и бесплатно высылать желающим. Всего к 1914 г. на свет благодаря искусственному осеменению появилось 6804 лошади, на юге России также проводились массовые опыты на овцах¹⁰.

Но чьей же помощи был обязан Иванов успехом в столь масштабном деле, – успехом, достигнутым вопреки экспертам-зоотехникам, а, с другой стороны, поколебавшим традиционные представления о «естественном» размножении, которое свелось теперь к «простому» соединению двух клеток? При организации лаборатории (Физиологического отделения) он прибегнул к своим связям в академической среде, – в его поддержку выступили видные ученые: И. П. Павлов, а также возглавивший после смерти Ковалевского Зоологическую лабораторию АН В. В. Заленский и профессор зоологии Петербургского университета (впоследствии академик и ректор университета) В. М. Шимкевич. Опираясь на полученные от Павлова, Заленского и Шимкевича письма, начальник Ветеринарного управления В. Ф. Нагорский – один из передовых русских ветеринаров, еще в 1880-е гг. участвовавший в создании первых русских сибиреязвенных вакцин, – смог в 1908 г. добиться отпуска необходимых для открытия Физиологического отделения средств. Важно также, что Нагорский находился, по-видимому, в хороших отношениях с тогдашним министром внутренних дел и председателем Совета министров П. А. Столыпиным¹¹. Тем

⁹ Завадовский М. М. Страницы жизни. История одного исследования. М.: Изд. Моск. ун-та, 1991. С. 69–70.

¹⁰ Иванов И. И. Краткий отчет о деятельности физиологического отделения Ветеринарной лаборатории при Ветеринарном Управлении МВД, 1909–1913. СПб., 1913; *Idem*. On the use of artificial insemination for zootechnical purposes in Russia // The Journal of Agricultural Science (London). 1922. Vol. 12. P. 244–256; о покупке инструментов для искусственного осеменения государственным коннозаводством см.: Ковалевский С. Об искусственном оплодотворении // Ветеринарная жизнь. 1913. С. 119–121.

¹¹ См.: Иванов И. И. Краткий отчет...; письма ученых см.: ЦГАМО. Ф. 837. Оп. 1. Ед. хр. 519, 520, 522, 524; переписка Нагорского с Павловым опубликована в: Переписка И. П. Павлова / Ред.-сост. Н. М. Гуреева, Е. С. Кулябко, Л. В. Меркулов. Л.: Наука, 1970. С. 84–85; см. также письма В. Ф. Нагорского Иванову (ЦГАМО. Ф. 837. Оп. 1. Д. 374).

самым перед нами выстраиваются цепочки личных связей, за которыми в то же время можно увидеть закономерность. Неслучайным представляется то, что роль основного патрона исследований Иванова берет на себя государство.

Любопытно, – и здесь мы, возможно, подходим к самому главному, – что применение искусственного осеменения не являлось, судя по всему, экономически оправданным: метод окупался только тогда, когда не учитывались большие в данном случае затраты труда и времени ветеринара. В работах Иванова, в том числе популярных, приводятся детальные выкладки, свидетельствующие о том, что при искусственном осеменении можно от одного производителя получать значительно больше потомства, чем при естественном; однако никаких экономических расчетов там не содержится. Зато очень важным, если не решающим, доводом для Иванова становится сравнение русского животноводства (прежде всего коневодства) с европейским. Ведь именно русская отсталость – доля породистых лошадей была в десятки раз ниже, чем на Западе, составляя, по расчетам Иванова, всего 0,86% – делала искусственное осеменение столь важным делом. По словам Иванова, на первый план выходило «массовое улучшение» скота, которое новым методом позволяло осуществлять в относительно короткие сроки ¹². Успех метода зависел, таким образом, от активных, не считающихся со скорой выгодой усилий государства, позднее поддержанных специалистами ряда земств. И именно вовлеченность государства позволяет понять, почему Россия и в самом деле опередила Запад, где широкое использование искусственного осеменения началось в конце 30-х гг., когда оно стало экономически оправданным в молочном животноводстве.

Тем самым убеждение в неестественности искусственного осеменения отступило не столько под давлением научных открытий и фактов и даже не столько под влиянием «стихийных» и потому неотвратимых экономических интересов, сколько перед лицом «политических обстоятельств», – активной вовлеченности государства и нового поколения администраторов и специалистов, заинтересованных в ускоренной модернизации страны и ради этого ищущих поддержки у науки. Также и государственные расходы на сельскохозяйственную науку в целом существенно выросли именно при Столыпине ¹³, с фигурой которого оказался связан курс на модернизацию «сверху» и циничная политика разрушения общины – после того как «патриархальный» русский крестьянин из «естественного» союзника монархии превратился в источник прямой политической угрозы.

Поначалу использование искусственного осеменения натолкнулось на враждебное отношение крестьян, считавших его, как вспоминал Иванов, делом «богопротивным». Но очень скоро, как только крестьянам стало ясно, что они и вправду могут получить от своих кобыл лучший приплод, они не только приняли новый метод, но даже стали предпочитать его естественной случке ¹⁴. И в самом деле, ведь никаких твердых, осознанных принципов, сравнимых хотя бы с профессиональными

---

¹² К-ий. По поводу искусственного оплодотворения // Ветеринарная жизнь. 1912. С. 676–677; Ковалевский С. Об искусственном оплодотворении // Ветеринарная жизнь. 1913. С. 119–121; Благов Р. Опыты искусственного оплодотворения лошадей в Мариупольском уезде весной 1912 года // Ветеринарное обозрение. 1912. С. 784–788; Иванов И. И. Искусственное оплодотворение домашних животных. Для ветеринарных врачей, сельских хозяев и коннозаводчиков. СПб., 1910.

¹³ См. Elina, O. Planting seeds for the revolution: the rise of Russian agricultural science, 1860–1920 // Science in Context. 2002. Vol. 15. P. 209–237.

¹⁴ Иванов И. И. Искусственное оплодотворение млекопитающих как зоотехнический метод // Труды Второго Всероссийского съезда ветеринарных врачей в Москве. СПб., 1910. Вып. 4. С. 1205, 1209.

ми «убеждениями» специалистов-животноводов, за сопротивлением не стояло. Не на этом ли полученном опыте преодоления народных предрассудков основывалась и более поздняя высокомерная уверенность Иванова в том, что, демонстрируя «массам» гибрид человека и обезьяны, можно отучить их от «предрассудков» религиозных? И не чувство ли культурного превосходства над «темным», не сознающим вполне собственного блага народом роднило Иванова с его патронами в правительстве, – как до революции, так и после?

Уже очень рано Иванов готов был пойти и дальше в разрушении традиционных разграничений между «естественным» и «неестественным». Выступая в 1910 г. на Международном зоологическом конгрессе в Граце (Австро-Венгрия), он предположил, что искусственное оплодотворение может быть использовано как для скрещивания различных видов животных между собою, так и для гибридизации человека с человекообразными обезьянами. Применение метода позволило бы, по его выражению, «снять» моральные возражения, а любая возможная критика моральной стороны этих опытов представлялась Иванову абсолютно вздорной. Ведь не человек же соединяется с обезьяной, а их клетки. Как же соединение двух клеток друг с другом может быть безнравственным? ¹⁵

Однако в то время найти для подобного плана поддержку было действительно нелегко. Хотя никакой атеистической пропаганды у него тогда еще и в мыслях не было, но основным препятствием, согласно более позднему признанию Иванова, была предсказуемая реакция церкви с ее неколебимой убежденностью в Божественном происхождении человека и его достоинства. Впрочем, у Иванова, а также нескольких его сотрудников была в то время и масса других занятий. В частности, в предвоенные годы у него появился еще один патрон, не связанный с государством и бюрократией, – крупный помещик и пионер природоохранного движения в России Ф. Э. Фальц-Фейн, владлец и создатель знаменитого заповедника Аскания-Нова, который разрешил Иванову организовать в заповеднике специальную зоотехническую станцию на правах филиала петербургской лаборатории. С помощью искусственного оплодотворения Иванов смог получать гибриды между различными, не скрещивающимися как в естественных условиях, так и в неволе, видами млекопитающих и птиц, представителей которых он мог во множестве найти в заповеднике и в зоопарке Фальц-Фейна ¹⁶.

Идея же гибридизации человека и обезьяны вышла на первый план после того, как по всей системе практических и научных работ Иванова был нанесен страшный удар. Уже в 1914 г. практика искусственного осеменения сильно пострадала из-за призыва мужчин-ветеринаров в армию. Разразившаяся вскоре революция заставляет Иванова стойчески претерпевать и приспосабливаться к разнообразным трудностям. «Я всегда, – напишет он позднее, – держался того мнения, что в бурю лучше всего пересидеть, хотя бы под лопухом, но ни в коем случае не выходить, разумеется, если только ты не ищешь сам бурь» ¹⁷. Вскоре после переезда Ветеринар-

¹⁵ *Iwanow, E.* Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung der Methode der künstlichen Befruchtung bei Säugetieren // Verhandlungen des VIII. Internationalen Zoologen-Kongresses zu Graz, 15.–20. August 1912 / Hrsgb. R. von Stummer-Traunfels. Jena: Fischer, 1910. S. 623–631.

¹⁶ *Иванов И. И.* Краткий отчет о деятельности физиологического отделения Ветеринарной лаборатории... *Он же.* Зоологический сад Ф.Э. Фальц-Фейна и его значение, как научно-зоотехнической станции // Труды Второго Всероссийского съезда ветеринарных врачей в Москве. СПб., 1910. Вып. 4. С. 1254–1261.

¹⁷ *Иванов – Н. Я. Кузнецову [1928]* // Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (далее – ПФА РАН). Ф. 793 (Н. Я. Кузнецов). Оп. 2. Ед. хр. 274. Л. 21.

ной лаборатории в 1918 г. в Москву Иванов по неясным причинам был вынужден оставить созданное им Физиологическое отделение и на пустом месте, в условиях полной разрухи создавать новую лабораторию – Центральную опытную станцию размножения домашних животных при Наркомземе. Но, с другой стороны, в планах большевиков науке и технике отводилось большое место, и это внимание к науке только усиливалось своего рода марксистским «комплексом отсталости», ибо им, «авангарду рабочего класса», пришлось по иронии судьбы действовать в стране, в которой подавляющее большинство населения составляли «отсталые» крестьянские «массы». Уже в 1921 г. – сразу после страшной разрухи! – советское правительство стало посылать за границу ученых для приобретения научной литературы и приборов. По постановлению Совнаркома (СНК) был командирован и Иванов для закупки инструментов для искусственного осеменения¹⁸. Во время этой заграничной поездки в 1922 г., после почти десятилетнего перерыва, Иванов посетил Германию и Францию, задержавшись в Париже, где нашел теплый прием в Институте Пастера, в котором, в частности, обрел пристанище эмигрировавший из России его близкий друг, известный иммунолог С. И. Метальников.

Уже в апреле 1922 г. в письме, отправленном из Парижа довоенному знакомому, американскому биологу Р. Перлу, Иванов напишет о планах искусственного осеменения обезьян спермой человека, а также о поисках финансовой поддержки этих планов в Европе и в Америке. Важным было, по-видимому, то, что этот план предстояло осуществлять в Африке, поскольку научная и практическая работа в России была еще сильно затруднена. Возможно, известную роль сыграл и возраст, а также развивавшаяся болезнь сердца (грудная жаба), – Иванов понимал, что время активной работы в науке близится к концу и что если он хочет что-то еще сделать, то не имеет права ждать. (Кто бы мог сомневаться, что описание гибрида вошло бы во все учебники?)¹⁹

В дальнейшем намеченная программа исследований фигурирует уже в несколько измененном виде: опыты скрещивания предполагается поставить не только между обезьянами и человеком, но и между различными видами человекообразных обезьян. И поразительно, что еще через два года проект соглашается поддержать Пастеровский институт, когда Иванов вновь останавливается там во время очередной командировки за границу. В письме Иванову от 12 июня 1924 г. директор института, бывший соратник самого Пастера Эмиль Ру, а также его заместитель Альбер Кальметт характеризуют эти опыты как «возможные и желательные». (В еще одном отзыве, написанном через год, А. Кальметт от своего имени поддержит эксперименты даже в более энергичных выражениях и напишет об их «мировом значении».) Ру и Кальметт согласились предоставить необходимых для опытов шимпанзе, имевшихся в обезьяньем питомнике, организованном незадолго до этого в местечке Киндия во Французской Гвинее, однако денег на поездку и опыты дать не смогли²⁰.

¹⁸ Об отпуске золотой валюты Наркомзему для заграничной командировки проф. Иванова. Протокол № 244 (распорядительного) заседания СТО. 24.08.1921 // ГАРФ. Ф. Р-130 (СНК РСФСР). Оп. 5. Ед. хр. 429. Л. 6; также см.: отчет Иванова о командировке 1922 г. // ЦГАМО. Ф. 837. Оп. 1. Ед. хр. 927.

¹⁹ Иванов – Р. Перлу (R. Pearl), 21.04.1922 // American Philosophical Society Library. R. Pearl Papers.

²⁰ О том, что желание помочь Иванову было искренним, свидетельствует в своей частной переписке один из старших сотрудников Института, бывший ученик И. И. Мечникова А. М. Безредка. См.: А. М. Безредка – Л. А. Тарасевичу, 12.07.1924 // Архив РАН (далее – АРАН). Ф. 1538 (Тарасевич). Оп. 4. Ед. хр. 51; также см.: Э. Ру (E. Roux) и А. Кальметт (A. Calmette) – Иванову, 12.06.1924, А. Кальметт (A. Calmette) – Иванову, 9.04.1925 // ЦГАМО. Ф. 837. Оп. 1. Ед. хр. 429. Л. 3–5.

Слушатели Рабочего университета на экскурсии в Государственном Дарвиновском музее. Москва, 1920-е гг. Публикуется с разрешения Государственного Дарвиновского музея

9 июня 1924 г. В. И. Вернадский, будучи также в это время в Париже, оставляет в дневнике благожелательную запись о встрече с Ивановым и – как о самом обычном деле – о намеченных опытах скрещивания человека с обезьяной, замечая: «Большевики очевидно ему дадут деньги»²¹. И действительно, надежды Иванова, на протяжении всей жизни остававшегося религиозно индифферентным, связаны теперь с тем, что он пытается эксплуатировать атеистические идеи большевиков, драматически усиленные их «комплексом отсталости» – страхом перед «темными» крестьянскими массами. 17 сентября 1924 г. Иванов пишет из Берлина докладную записку наркому просвещения А. В. Луначарскому и просит оказать финансовую поддержку в размере 15 тысяч долларов для проведения опытов гибридизации – «в интересах русской науки и пропаганды естественно-исторического мировоззрения в массах»²².

Поскольку Иванов и его станция размножения домашних животных Наркомпросу подчинены не были, то к докладной записке был приложен не только отзыв Ру и Кальметта, но и письмо к Луначарскому уполномоченного Наркомпроса при Берлинском торгпредстве профессора С. А. Новикова. По его мнению, результаты опытов «смо-

²¹ В. И. Вернадский. Дневники. Март 1921 – август 1925 / Гл. ред. акад. А. Л. Яншин. М.: Наука, 1998. С. 141.

²² Иванов И. И. Докладная записка народному комиссару просвещения А. В. Луначарскому, 17.09.1924 // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. А-2306 (Наркомпрос). Оп. 69. Ед. хр. 131. Л. 2–11.

гут быть использованы в борьбе против идеализма и витализма», а также в «научно-материалистической (антирелигиозной) пропаганде». В таком же духе высказался и второй «рецензент», берлинский представитель Наркомзема член партии с дореволюционным стажем Л. Х. Фридрихсон, который заместителю председателя Совнаркома А. Д. Цюрупе писал: «Работа, предложенная профессором Ивановым,.. может нанести решительный удар религиозным верованиям и предрассудкам и быть удачно использованной для агитации за освобождение трудящихся из-под гнета церкви»²³.

Но эти доводы не только не убедили беспартийного эксперта – рецензента проекта в Главнауке Наркомпроса, куда проект и все документы поступили от Луначарского, – профессора Н. А. Иванцова, но как будто и вызвали у него раздражение. Иванцов отметил, что

кроме скандала, который будет несомненно использован в самых разнообразных направлениях, и брошенных на ветер денег ничего не получится. [...] не лучше ли истратить эти деньги, при нашей бедности, на что-либо иное, легче осуществимое, как в отношении новых научных завоеваний [...] так и в отношении распространения уже имеющихся положительных научных знаний в народных массах, которое будет лучшим орудием борьбы с религиозными предрассудками, чем сомнительные по своей успешности и крайне дорого стоящие эксперименты получения помесей между человеком и обезьянами путем искусственного оплодотворения.

С Иванцовым полностью, по его словам, согласился и заведующий Главнаукой член партии Ф. Н. Петров, в результате чего в поддержке Иванову было отказано. В официальной же записке, которую Главнаука направила в итоге в Наркомпрос, говорилось:

...Главнаука относится отрицательно при настоящей политической конъюнктуре к самой постановке опытов искусственного скрещивания человека с обезьяной, так как эти опыты могут вызвать совершенно обратный эффект со стороны широких масс²⁴.

Но поразительно, что даже выступая против опытов, – считая их для пропаганды атеизма бесполезными или вредными, – большевики ни слова не говорят об их этической уязвимости. И эта сторона дела ими нацело игнорируется. Но нельзя же в самом деле считать, что независимой от религии, секулярной морали не существует. Так почему же вопрос об этической стороне опытов ни разу не возник – хотя бы для того, чтобы подтвердить допустимость и законность исследований Иванова? – вот проблема, которая с этого момента начинает нас занимать.

Фактические же обстоятельства дальнейшего прохождения проекта «по инстанциям» таковы. Летом или осенью 1925 г. план Иванова решает поддержать Николай Петрович Горбунов, управляющий делами Совнаркома и один из наиболее видных организаторов советской науки в 20-е гг., который на протяжении последующих пяти лет будет неизменно помогать начинаниям Иванова. Химик-технолог по образованию он на всю жизнь сохранил серьезный интерес к науке. А его связи в партии и

²³ Новиков С. Н. – А. В. Луначарскому, 18.09.1924 // Там же. Л. 2–3, Л. Н. Фридрихсон – А. Д. Цюрупе, 20.09.1924 (цит. по копии: ЦГАМО. Ф. 837. Оп. 1. Ед.хр. 952).

²⁴ Иванцов Н. А. Заключение по вопросу об отпуске средств проф. Иванову на производство опытов по получению помесей между человеком и высшими обезьянами // ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Ед. хр. 131. Л. 13–15; резолюция Ф. Н. Петрова // Там же. Л. 13; Докладная записка Главнауки // Там же. Л. 12.

правительстве (в 1917–1920 гг. он был секретарем председателя Совнаркома В. И. Ленина) предоставляли колоссальные возможности для ее поддержки. Своим влиянием он был обязан и самой должности: согласно существовавшему положению, все решавшиеся на заседаниях СНК вопросы рассматривались по представлению управляющего делами. 21 сентября 1925 г. Горбунов вносит проект Иванова в повестку дня Финансовой комиссии СНК, которая рекомендует из средств возглавляемого Горбуновым Управления делами ассигновать 10 000 американских долларов Академии наук. Однако эти деньги можно было использовать, как мы бы сейчас сказали, исключительно «целевым образом» – для финансирования экспедиции Иванова в Африку. (При этом согласие самой Академии предполагалось получить позднее.) Через несколько дней решение было утверждено членом политбюро, заместителем председателя Совнаркома и председателем Совета труда и обороны (СТО) Л. Б. Каменевым, который 25 сентября сообщил об этом на заседании СТО ²⁵.

Так что же привлекло в этих опытах Горбунова? Возможность использовать их в качестве орудия антирелигиозной пропаганды среди «отсталых масс» или важность с точки зрения науки? К сожалению, мы не располагаем перепиской между Горбуновым и Ивановым, относящейся к этому времени, тогда как стенограммы заседаний СТО до сих пор остаются для исследователя недоступными. Однако вот что интересно: в связанных с экспедицией Иванова архивных материалах нет и намек на то, что гибрид, если бы был получен, предназначался для каких-то «секретных» целей. (В этом отношении можно было бы, например, подумать о неких медицинских опытах.) Напротив, успешная гибридизация рассматривалась как важное достижение само по себе, что предполагало, а не исключало публичность – предъявление «результата», в данном случае гибрида, общественности: будь то «чистая», научная публика, либо «темные» народные массы. И Горбунов прямо упоминает об этих опытах в переговорах, которые в октябре 1925 г. ведет в Париже с французскими учеными С. Леви и П. Ланжевром об установлении культурного и научного сотрудничества между Францией и СССР и даже включает их в качестве отдельного пункта в проект программы такого сотрудничества. Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС) помещает заметку об экспедиции в своем предназначенном для заграницы бюллетене. Наконец, несколько публикаций, не оставляющих никаких сомнений в целях экспедиции Иванова, появляется в советской печати ²⁶.

²⁵ О Горбунове и его роли патрона науки см.: *Россиянов К. О.* Н. П. Горбунов и организация советской науки (Интервью К. О. Россиянова с А. Н. Горбуновым) // ВИЕТ. 2004. № 3. С. 89–102; *Подвигина Е. П.* Николай Петрович Горбунов // Николай Петрович Горбунов: Воспоминания, статьи, документы. М.: Наука, 1986. С. 5–41; о прохождении проекта Иванова в СТО см.: Секретное приложение к протоколу № 219 (СТО) заседания Административно-финансовой комиссии, 21.09.1925 // ГАРФ. Ф. Р-5446 (СНК). Оп. 72 (документы Л. Б. Каменева). Ед. хр. 216. Л. 47; Секретные протоколы Совета труда и обороны. Заседание от 25.09.1925. Протокол № 184-с // Там же. Ед. хр. 195. Л. 216.

²⁶ О переговорах Горбунова с Леви и Ланжевром см.: Горбунов Н. П. – И. И. Мирошникову, 9.10.1925 // ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 37. Ед. хр. 62. Л. 12 (мы благодарны профессору С. П. Стрекопытову, обратившему наше внимание на это письмо); содержание сводки ВОКС излагается в неподписанной статье: Savant to Try Hybridization of Man and Ape: Plans Complete for Experiment in Africa // *Des Moines Sunday Register*. 3 January 1926 (цит. по вырезке из архива Иванова: ЦГАМО. Ф. 837. Оп. 1. Д. 414. Л. 2); см. также публикации в советских газетах: Экспедиция проф. Иванова в Африку. Опыт скрещивания человека с обезьяной. (Беседа с проф. Ивановым) // *Вечерняя Москва*. 1925. 14 октября; Экспедиция в Южную Африку: Опыт искусственного скрещивания обезьян с человеком // Там же. 24.11.1925; Опыт искусственного скрещивания обезьяны с человеком. Экспедиция проф. Иванова // *Известия*. 21.05.1927.

Горбунов, безусловно, отдавал отчет в резонансе, который опыты вызовут в случае положительного исхода, но вовсе его не боялся и не пытался избежать, засекретив опыты, – напротив, сама эта огласка мыслилась не как скандал, не как раскрытие «постыдной» тайны, а, скорее, как торжество советской науки, тем более знаменательное, что страна только недавно вышла из разрухи. Иванов же специально подчеркивал, что опередить европейскую науку возможно: ученые Запада признают за его опытами «исключительно важное научное значение», но не решаются приступить к ним сами из-за «неприемлемости этих опытов с точки зрения общепринятой морали и религии»²⁷.

Очевидно, что Иванов исходил из готовности большевиков «общепринятой моралью» пренебречь. Эта готовность следовала из более широкой постановки вопроса: скептического и даже враждебного отношения к проблеме «вечных» нравственных ценностей, ведь рассуждения о них были, с точки зрения большевиков, тонкой, идеологической формой классового господства, а сам автоматизм восприятия преходящих, узких истин и ценностей как незыблемых и всеобщих был воспитан классовым обществом. Подобная теоретическая «деконструкция» воспринималась зачастую как «деструкция», – разрушение морали вообще; но ведь многое из того «вечного» и общечеловеческого, что было «выброшено за борт», вполне того заслуживало. Так, в царской России разглагольствования о святости брака и семьи сочетались с юридическим неравенством мужчины и женщины и с безусловно жестоким отношением к внебрачным детям. Так есть ли в запрете на нарушение границы между человеком и животным что-то от подлинной – а значит, рационально обоснованной, «объяснимой» – морали?

Возможно, стоит лишь посильнее толкнуть «дверь», отделяющую человека от других видов, и обнаружится, что она незаперта: коль скоро нам под силу разрушить границу, то почему, исходя из каких общих принципов, должны мы *уважать* ее как «естественную»? Быть может, само восприятие этой границы как абсолютной и нравственно неприкосновенной есть лишь увеличенная проекция, чудовищно раздувшаяся «тень» наших собственных представлений о неизбежности социальных иерархий и перегородок, для которых при этом необходима какая-то внешняя, «естественная», «от века данная» точка отсчета.

Но прежде, чем спорить или соглашаться, следовало бы прислушаться к мнению ученых, рассмотрев отношение к опытам в научной среде.

2. Недостающее звено эволюции

Даже в наш век «большой науки» научные исследования все еще воспринимаются как личный поиск истины. Поэтому, анализируя отношение к исканиям Иванова других ученых, мы, возможно, сумеем приблизиться и к пониманию заинтересовавшей нас проблемы: почему опыты скрещивания человека с обезьяной могли восприниматься как «освобождение» личности, а не как «унижение» ее человеческого достоинства? Проблема достоинства тесно связана с попытками придать понятию «человек», – разумеемого как своего рода коллективный субъект, – положительное нравственное содержание. Но, чтобы стать основой запрета на разрушение или размывание видовой границы, понятие это должно быть либо предельно

²⁷ См.: Иванов И. И. Докладная записка народному комиссару просвещения А. В. Луначарскому... Л. 7.

ясным и «прозрачным», либо репрессивным, предполагающим послушное принятие того, что утверждается общественным мнением или «начальством». Однако обязательно ли в последнем случае это общее, «родовое» содержание для мыслящей личности, которая может ведь и не согласиться с предписываемым ей определением собственной, «человеческой» сущности? И не лучше ли не иметь совсем никакого «общего» содержания, чем иметь такое, насильственно навязанное?

Как утверждал Великий инквизитор в романе Достоевского «Братья Карамазовы», наполнить существование человечества смыслом и сплотить его в единое целое могут только три силы – «чудо, тайна и авторитет». Подобной «тайной» стало само происхождение человека, после того как для проблемы было найдено научное решение. Нападки представителей религиозной ортодоксии на теорию Дарвина воспринимались многими не только как посягательство на свободу научного исследования, но и как отрицание независимости критического суждения вообще, в том числе нравственного. И тот, кто, отвергая религиозные представления о существующей между человеком и животным пропасти, пытался перебросить поперек различий «мост», воспринимал себя как выступающего за свободу и суверенные права личности. Одной из ставок в этой борьбе стала и проблема гибридизации человека и обезьяны, которая в начале XX в. начала привлекать к себе внимание биологов даже и вне зависимости от споров с клерикалами ²⁸.

Согласно представлениям, высказанным Ч. Дарвином в «Происхождении человека и половом подборе» (1871 г.), у человека и человекообразных обезьян должен был существовать общий, позднее вымерший предок, а стало быть, промежуточные, связующие звенья могли сохраниться в виде ископаемых остатков. О них, однако, известно было совсем немного. Так, долгое время единственным «претендентом» на эту роль был неандерталец, кости которого были обнаружены в 1857 г. и фигурировали еще в известной книге Т. Гексли, обосновавшего в 1863 г. анатомическую близость человека к человекообразным обезьянам. В 1891 г., следуя, в свою очередь, представлению знаменитого немецкого зоолога и эволюциониста Э. Геккеля об эволюционной связи между человеком и азиатскими обезьянами, на Яву отправился голландский врач Э. Дюбуа, который вскоре открыл там остатки питекантропа, еще более примитивного существа, чем неандерталец. Геккель приветствовал эту находку как открытие связующего звена между человеком и его предками. Последнее, однако, многими оспаривалось, и возражения эти в начале XX в. еще более усилились. Насколько животрепещущей была тема «связующих звеньев», можно судить по тому, что на протяжении нескольких десятилетий никаких новых находок сделано не было. Так называемый «родезийский человек», а также австралопитек и синантроп были открыты только в 1920-е гг. ²⁹

²⁸ Об интересе к гибридам за пределами науки и прежде всего в художественной литературе XVIII–XIX вв. см.: *Morris, R., Morris, D. Men and Apes*. L.: Hutchinson, 1966. P. 54–82; см. также появившиеся в XX в. романы: *Vercors [Bruller J.] Les animaux dénaturés*. Paris, 1952 (Русск. пер.: *Веркор. Люди или животные? // Веркор. Избранное*. М.: Радуга, 1990. С. 45–224); *Crichton, M. Congo*. London: Random House, 1980; *Høeg P. The woman and the ape / Transl. by B. Haveland*. Toronto: McClelland-Bantam, 1997.

²⁹ Правда, в 1912 г. в Пилтдауне (графство Сассекс, Англия) были обнаружены остатки еще одного «предка», однако находка эта была тогда же подвергнута сомнению, особенно сильному за пределами Англии. И действительно, как выяснилось позднее, ученые имели в данном случае дело со сфабрикованной кем-то фальшивкой. *Bowler, P. J. Theories of human evolution: a century of debate, 1844–1944*. Baltimore; L.: Johns Hopkins Univ. Press, 1986.

И планы скрещивания человека и обезьяны могут быть поняты как реакция отдельных ученых на переживавшиеся дарвиновской теорией трудности. Так, В. М. Шимкевич, по-видимому, уже в начале XX в. обсуждавший эти идеи с Ивановым, писал (и, между прочим, в таком широко известном издании, как Словарь Брокгауза и Ефрона), что, поскольку для решения вопроса о предках человека «нам недостает переходных форм, некоторые указания можно надеяться получить путем скрещивания человека с антропоморфными обезьянами, что... станет возможным с усовершенствованием приемов искусственного оплодотворения»³⁰.

На рубеже веков были также получены новые поразительные данные о биологической близости человека и человекообразных обезьян: образцы взятой у них крови, исследованные при помощи только что появившихся и еще не вполне совершенных серологических методов, оказались практически неотличимы друг от друга. Тогда же Г. Фриденваль – один из ученых, занимавшихся сравнительным изучением крови разных видов животных и человека, – пришел к выводу о том, что члены подотряда *Anthropomorphae*, включающего человека и человекообразных обезьян, могут дать потомство при скрещивании: ведь если клетки их крови столь похожи, то сходны должны быть и половые клетки³¹.

В 1908 г. осуществить скрещивание человека с человекообразными обезьянами предложил голландский натуралист из Маастрихта Г. М. Б. Мунс, который специально познакомился с методикой искусственного осеменения у практиковавшего в том же городе врача-гинеколога. В отличие от предшественников, высказывавшихся о проблеме бегло, он посвятил ей специальную брошюру, причем претенциозность ее названия: «Истина. Экспериментальные исследования о происхождении человека» подчеркивала, что обращается он не только и не столько к ученым, сколько к широкой общественности. Причина была проста: как объяснял сам Мунс, возбудить интерес в публике он намеревался, чтобы собрать средства, необходимые для задуманной им экспедиции во Французское Конго. Ведь именно там Мунс планировал осуществить задуманные им опыты искусственного осеменения горилл и шимпанзе спермой человека. Об этом плане он еще в 1905 г. написал Э. Геккелю, который, в свою очередь, выразил надежду на успех, посчитав его «возможным» и сославшись опять-таки на результаты серологических исследований.

В одной из рецензий, появившейся в немецкой научной печати, выражалось сожаление, что название брошюры сильно отдает рекламой, хотя автор рецензии Л. Плате «от всего сердца» пожелал Мунсу удачи, подчеркнув, что успех эксперимента стал бы еще одним и на этот раз абсолютно наглядным доказательством правильности дарвиновской теории происхождения человека. Плате также высоко оценил то, что часть необходимых Мунсу средств была уже пожертвована королевской семьей Нидерландов. «Какой крик, – писал он, – поднялся бы у нас», в Германии, если кто-либо из владетельных особ решился бы связать свое имя с таким предприятием «и как стали бы питающего подобные намерения ученого преследовать!» Плате как в воду

³⁰ Шимкевич В. М. Человек // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1903. Т. 75. С. 481; см. также: *Он же*. Помеси и ублюдки. СПб.; М.: Т-во М. О. Вольф, 1906. С. 14–15.

³¹ Об этом же писал и доцент Фрайбургского университета К. Гюнтер. См.: *Guenther, K. Vom Urtier zum Menschen. Ein Bilderatlas zur Abstammungs- und Entwicklungsgeschichte des Menschen*. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1909. Bd. 2. S. 126; также см.: *Friedenthal, H. Über einen experimentellen Nachweis von Blutsverwandtschaft* // *Archiv für Anatomie und Physiologie, Physiologische Abt.* 1900. H. 5/6. S. 494–508.

глядел: публикация брошюры вызвала желаемую широкую огласку, но вместе с ней и – громкий скандал, в результате чего Мунс, несмотря на положительные рецензии в научной печати, потерял работу в университете, а затем и вынужден был терпеть крайнюю нужду³². По некоторым данным, Мунс в 1911 г. обращался к Иванову с просьбой принять его к себе на работу, а в 1912 г. они даже встречались в Мюнхене во время очередной заграничной командировки Иванова³³.

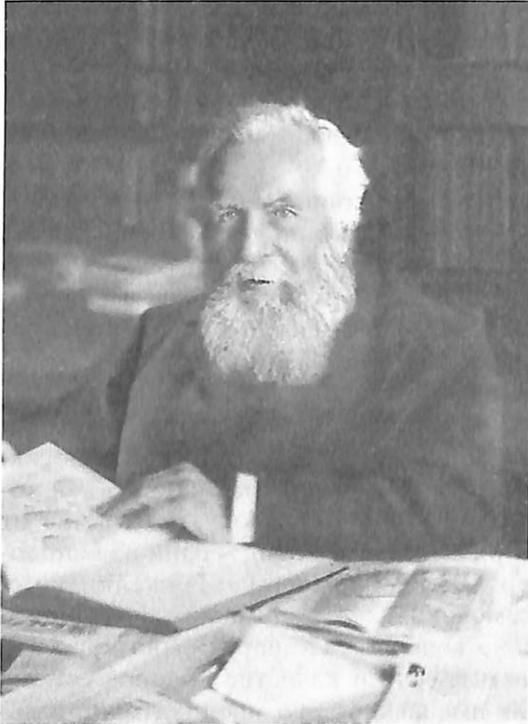
В переписке Мунса и Геккеля обсуждалась и тема различий между человеческими расами. По словам Геккеля, в опытах искусственного оплодотворения следует использовать семя представителей «низшей» расы – негров, что значительно повысит шансы на успех скрещиваний. Известно, что Геккель склонялся к тогда уже по большей части оставленным воззрениям полигенизма, согласно которым расы человека могли произойти от обезьяноподобных предков независимо друг от друга и, возможно, представляли собой даже разные виды, находящиеся на разных ступенях биологического развития. Расовая тема появляется и у следующего автора, также находившегося под большим идейным влиянием Геккеля и в 1918 г. посвятившего получению гибридов между человеком и обезьяной специальную монографию – «фундаментальную» по духу и строго научную по тону. В отличие от Мунса, это был не натуралист-любитель, а признанный ученый, – один из основоположников немецкой сексологии Г. Роледер. Он, судя по письмам Геккелю, намеревался провести опыты искусственного осеменения самок шимпанзе в немецком питомнике, созданном еще в 1912 г. на острове Тенерифе (Канарские острова). По мнению Роледера, шансы на «успех» возрастут, если в качестве доноров семени выступят местные жители, в жилах которых имелась, по его мнению, значительная примесь крови «низших» рас. Однако планам Роледера также не суждено было сбыться, – вскоре после поражения Германии в войне станция была закрыта³⁴.

Роледер был членом созданного Геккелем Союза монистов (Monistenbund) и впервые о своих идеях рассказал еще в 1915 г. на заседании Лейпцигского отделения этого союза. Успешное получение гибрида имело для него не только сугубо научное значение, но и призвано было подкрепить естественно-историческую философию монистов. Ведь для них враждебность организованной религии была тесно связана с представлением об исключительно постепенном характере эволюционных переходов, что лишало идею Творения всякого существенного смысла. Так, Геккель и его последо-

³² Moens, H. M. B. Truth: experimental researches about the descent of man. L.: A. Owen, 1908; Plate, L. [рецензия на книгу Мунса] // Archiv für Rassen- und Gesellschafts-Biologie. 1908. Bd. 5. S. 568–569; см. и другую рецензию: Mahoudeau, P.-G. L'Origine de l'homme au point de vue expérimental // Revue de l'école d'Anthropologie. 1909. P. 149–155; письмо Геккеля Мунсу см.: Ernst Haeckel over Bastaardering // Vakblad voor Biologen. 1960. № 7. P. 132; письма Мунса Геккелю находятся в Архиве Э. Геккеля // Ernst Haeckel Haus, Universität Jena; о нищете, в которую был ввергнут Мунс, см. письмо Э. Немана (E. Nehmann) Л. Плате (L. Plate). 18.06.1911 // Там же; о биографии Мунса см.: Rooy, P. de. In search of perfection: the creation of missing link // Ape, man, apeman: changing views since 1600 / Ed. by R. Corbey, B. Theunissen. Leiden, 1995. P. 195–207.

³³ Мунс – Иванову 28.10.1911, 23.12.1911 // ЦГАМО. Ф. 837. Оп. 1. Ед. хр. 441; см. также: Иванов – Ю. А. Филипченко // Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки (С.-Петербург). Ф. 813. Ед. хр. 323.

³⁴ Немецкий питомник шимпанзе предназначался для изучения проблем высшей нервной деятельности, и именно там В. Келер заложил в своих знаменитых опытах основы гештальтпсихологии. См.: Ash, M. G. Gestalt psychology in German culture, 1890–1967: Holism and the quest for objectivity. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1995. P. 148–167; Rohleder, H. O. Künstliche Zeugung und Anthropogenie // Monographien über Zeugung beim Menschen. Leipzig: G. Thieme, 1918. Bd. 6; письма Роледера Э. Геккелю находятся в архиве Э. Геккеля.

Эрнст Геккель (1834–1919) – известный немецкий зоолог и эволюционист, создатель Союза монистов

ватели усматривали элементы «психической жизни» у простейших организмов и даже... у кристаллов. В результате пропасть психофизического дуализма оказывалась «перекрытой» непрерывной цепью постепенных переходов. И как же можно, спрашивал, в свою очередь, Роледер, считать получение гибрида делом неестественным, коль скоро эти опыты позволяют воссоздать те переходные ступени, то богатство форм, которое когда-то существовало в эволюционном промежутке между человеком и обезьяной, но было утрачено в ходе последующей эволюции и вымирания связующих звеньев?

Монисты смотрели на себя как на сторонников научного мировоззрения и защитников прав личности, приверженцами же догмы были для них представители религиозных кругов, постулировавшие кардинальное различие «человека» и «животного». В противоположность клерикалам они готовы были подвергать свои идеи опытной проверке. И все же, веря в сугубую постепенность, континуальность совершающихся в природе превращений, они и сами во многом отклонялись от прочно установленного, выдавая в итоге

«желаемое за действительное». И в этом смысле идеологическая заданность, – несущая угрозу свободному, критическому суждению личности, – бесспорно присутствовала в планах последователей Геккеля: Роледера и Мунса. Совершенно очевидна и другая идеологическая составляющая – доктринальный расизм, ставивший другие расы ниже белых на эволюционной шкале развития человека. До Второй мировой войны и зверств нацистов расизм – и как «теория», и как предрассудок, интуитивно «очевидное» убеждение, – был широко распространен даже в образованной среде. Расистскую природу планов Роледера особо подчеркивал историк немецкого Союза монистов Д. Гасман, для которого планы эти были проявлением протонацистской идеологии³⁵. Хотя, возможно, Гасман и преувеличивает степень родства расистских представлений Роледера с нацизмом, связывая его идеи – на наш взгляд, произвольно – с Й. Ланцем фон Либенфельсом, не имевшим ничего общего с наукой расистом, в воображении которого идея гибридизации также занимала центральное место.

Для Либенфельса – монаха-цистерцианца, оставившего свой орден (а вместе с тем и веру в Бога) и ставшего автором и издателем бесчисленных, наводнивших еще довоенную Вену расистских брошюр и книг, – само представление о жесткой границе между человеком и животным стало основным и единственным *источником* морали. В незапамятном прошлом «граница» была нарушена (что и было, с его точки зрения,

³⁵ Gasman, D. The scientific origins of national socialism: social darwinism in Ernst Haeckel and the German Monist League. L.: MacDonald; N. Y.: American Elsevier Inc., 1971. P. 153–154.

первородным грехом): совершенная раса пришельцев из космоса смешалась, уступая желанию своих женщин, с обезьяноподобными обитателями Земли. В результате все нынешнее человечество, – в особенности же, «низшие» расы, – «гибридно», и лишь величайшими усилиями можно вернуться к состоянию первоначальной «чистоты» и «совершенства». Высказывались предположения, что сочинения полубезумного Либенфельса могли повлиять на Гитлера, якобы познакомившегося с ними еще в довоенной Вене. Этому, впрочем, так и не удалось найти подтверждения, но любопытно, что «фактическим» содержанием представлений Либенфельса заинтересовался Иванов. В начале 1920-х гг. он поручил одному из своих сотрудников – тогда еще совсем молодому антропологу М. Ф. Нестурху – составить реферат книги Либенфельса, в которой были собраны якобы содержащиеся в Библии и священных книгах других народов «данные» об имевшем место в прошлом смешении людей и животных³⁶.

Тем самым биологическая идея гибридизации человека с другими видами животных приобретала намного более широкое значение в рамках «идеологии», – будь то постулирующий сугубую постепенность эволюционных превращений монизм, либо стремящийся немедленно разрушить «буржуазные предрассудки» большевизм, либо настаивающий на близости «низших» рас обезьянам и потому считающий опыты скрещивания допустимыми расизм. Не эта ли идеологическая значимость опытов заглушала естественное нравственное чувство, позволив в конечном счете осуществить эксперименты на практике? Но если так, если приверженность «идеологии» необходима для воплощения подобных планов в жизнь, то это противоречит высказанному нами предположению о том, что опыты гибридизации были непосредственно связаны с великой идеей эмансипации личности – эмансипации от любых принимаемых на веру догм.

И здесь, пожалуй, самое время вернуться к тому, как проходило дальнейшее обсуждение планов Иванова в Советском Союзе. Доводы в защиту опытов, адресовавшиеся большевикам, были, как помним, окрашены в атеистические тона, однако с расизмом не имели ничего общего. Но что говорилось об этих опытах в научной среде? Ведь, как указывалось в предыдущей главе, решение Каменева и СТО о выделении средств Иванову предполагало, что опыты будут одобрены Академией наук.

С одной стороны, не только в Европе и Америке, но даже в России, стране Пушкина, многие антропологи и зоологи как об установленном факте писали тогда о биологическом «неравенстве» рас. С другой стороны, явно выраженных расовых аргументов в документах о подготовке экспедиции Иванова как будто не содержится. Они, по-видимому, не прозвучали и в докладе, с которым он выступил 30 сентября 1925 г. в Академии наук в Ленинграде, прибыв туда по приглашению неперменного секретаря Академии С. Ф. Ольденбурга:

Получение гибридов между различными видами антропоидов, весьма вероятно [...] Рождение гибридной формы между человеком и антропоидом менее вероятно, но возможность его далеко не исключена... Опыты эти могут дать чрезвычайно интересный материал для выяснения вопроса о происхождении человека и ряда вопросов в области наследственности, эмбриологии, патологии и сравнительной психологии³⁷.

³⁶ Lanz v. Liebenfels, J. Theozoologie oder die Kunde von den Sodoms-Äfflingen und dem Götterelectron. Wien: Moderner Verlag, [1904] 1905; Реферат Нестурху // ЦГАМО. Ф. 837. Оп. 1. Ед. хр. 185; Daim, W. Der Mann, der Hitler die Ideen gab. München: Isar Verlag, 1958.

³⁷ Иванов И. И. В Физико-математическое отделение Всесоюзной Академии наук, 30.09.1925 // ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 2 – 1925. Ед. хр. 22 (Приложения к протоколу заседания Отделения физико-математических наук № XIII от 30.09.1925 г.). Л. 51–52.

О содержании доклада Иванова Ольденбург сообщил на прошедшем в тот же день заседании Отделения физико-математических наук. На нем присутствовали компетентные зоологи: исполняющий обязанности директора Зоологического музея академик А. А. Бялыницкий-Бируля и занимавший эту должность в прошлом академик Н. В. Насонов, а также президент Академии А. П. Карпинский, вице-президент В. А. Стеклов, академик-секретарь отделения А. Е. Ферсман, академики И. П. Павлов, А. А. Белопольский, Н. С. Курнаков, В. Н. Ипатьев, П. П. Лазарев, А. Ф. Иоффе, Я. В. Успенский, Д. П. Коновалов, В. Л. Омелянский, С. П. Костычев, Ф. Ю. Левинсон-Лессинг и В. Л. Комаров. Согласно одному из пунктов протокола (на заседании обсуждались и другие вопросы) «намеченная профессором Ивановым работа была признана заслуживающей большого внимания и полной поддержки». Отделение постановило признать за проектом «большое научное значение, о чем довести до сведения Управления делами Совнаркома СССР»³⁸.

Примечательно, что в прочитанном Ивановым докладе не только не приводилось расистских доводов об эволюционной, биологической близости негров к обезьянам, но и, в отличие от предшествовавших обращений к большевикам, не было, по-видимому, сказано ни слова ни об атеизме, ни о материализме. Любой намек на это способен был, по-видимому, только раздражить присутствовавших, многие из которых могли относиться к религии равнодушно или критически, но при этом не одобрять политику насильственного насаждения атеизма. Мы знаем, например, что И. П. Павлов, не веря в Бога сам, открыто защищал права верующих, – именно потому, что придерживался мнения о праве личности самой выбирать свои убеждения. (Последнее, впрочем, породило легенды о его религиозности.) Разумеется, Павлов отдавал себе отчет в том, что большевики склонны использовать данные его исследований в целях материалистической пропаганды, – недаром Н. И. Бухарин называл их «орудием из железного инвентаря материалистической идеологии», но очевидно, что чувствовать себя ответственным за идеологические спекуляции Павлов не мог. В противоположность этому, в планах скрещивания человека с обезьяной чувствуется ведь и связанная с *самими* опытами этическая неясность³⁹.

Совершенно очевидно, что Академия никогда не взяла бы на себя полную, «единоличную» ответственность за опыты гибридизации человека и обезьяны перед лицом возможного скандала и реакции «обывателя». В официальном командировочном удостоверении, выданном Академией наук Иванову, также говорилось о том, что он посылается в Африку «для работ по вопросам гибридизации антропоидных обезьян». Но ведь, выступая в Академии, Иванов все же открыто сказал и об опытах гибридизации человека с обезьяной. Об этом же говорилось и в представленных им двух «письмах поддержки» за подписями Э. Ру и А. Кальметта⁴⁰. Так почему же Академия против этих планов не возражала?

Отсутствие возражений можно было бы объяснить тем, что деньги на экспедицию были уже ассигнованы и притом – не Академией. К тому же вслед за пышно

³⁸ Протокол XIII заседания Отделения физико-математических наук от 30.09.1925 г. // ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а – 1925. Ед. хр. 174. Л. 91.

³⁹ Бухарин Н. И. О мировой революции, нашей стране, культуре и прочем (ответ проф. И. П. Павлову) // Красная новь. 1924. № 1. С. 170–188; № 2. С. 104–119; об отношении Павлова к религии см.: Григорьян Н. А. Иван Петрович Павлов. 1849–1936. Ученый. Гражданин. Гуманист. М.: Наука, 1999. С. 161–165.

⁴⁰ Письма Кальметта и Ру – см. ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 2 – 1925. Ед. хр. 22. Л. 49–50; см. также: Удостоверение АН СССР Иванову И. И. о командировке в Африку. 30.01.1926. № 934. Цит. по заверенной машинописной копии // ЦГАМО. Ф. 837. Оп. 1. Ед. хр. 968.

отпразднованным 5–14 сентября 1925 г. 200-летним юбилеем Академия переживала «медовый месяц» в отношениях с правительством, а неперменный секретарь Ольденбург поддерживал тесные связи с Горбуновым, который стал куратором Академии после ее перехода из ведения Наркомпроса в непосредственное подчинение союзному правительству. И то, что приглашение Иванову прибыть на заседание Отделения последовало уже 26 сентября, на следующий день после заседания СТО, также говорит о многом: скорее всего, между Горбуновым и Ольденбургом уже существовала какая-то предварительная договоренность. Однако этих объяснений недостаточно. При всей важности хороших отношений с правительством, а также корпоративной солидарности с Ивановым, который все-таки был для академиков «своим» – представителем старой, дореволюционной науки, Академия не стала бы в угоду правительству поддерживать явно аморальные опыты.

Поскольку об экспедиции Иванова было достаточно широко известно в научных кругах, то можно предположить, что и кто-то из ученых мог, подобно нам, испытывать такое же чувство отвращения против опытов скрещивания человека с обезьянами. Однако ясно сформулировать этические доводы никто, по-видимому, не смог или не захотел. И даже, как мы помним, нерасположенный к Иванову рецензент его проекта в Главнауке профессор Н. А. Иванцов, написавший в своем отзыве о скандале, который опыты могут вызвать, ни словом не упомянул об их нравственной «ущербности».

Если этические возражения у кого-то и были, то носили такой характер, что их, по-видимому, трудно было принимать всерьез, – подобного мнения придерживался, в частности, Н. И. Вавилов, приславший Иванову накануне его отъезда в экспедицию текст своей работы «Междувидовая гибридизация и ее практическое применение»: «Не обращайтесь на всю болтовню, которая связана с Вашей поездкой. Черт с ней!» Об этом же, – что возражения против опытов скрещивания человека с обезьяной можно просто отбросить как продиктованные явно обветшавшими представлениями, – писал и директор Зоологического института Московского университета и один из пионеров природоохранного движения в нашей стране профессор Г. А. Кожевников. По его мнению, Иванов поставил перед собой вопрос,

подойти к которому до сих пор не решаются западноевропейские ученые, вероятно, из-за некоторых предрассудков, являющихся пережитками старинного мирозерцания – это вопрос о скрещивании обезьяны с человеком. При современной технике этого дела [...] можно рассчитывать на успех оплодотворения шимпанзе спермой человека, а если бы удалось получить помесь, это было бы крупным торжеством науки в СССР, фактом мирового значения⁴¹.

По-видимому, моральные доводы против опытов Иванова связывались в сознании большинства ученых либо с религиозной картиной мира, противопоставлявшей человека животному (что было, с их точки зрения, неверным), либо же с прямой эксплуатацией невежества и предрассудков толпы, – все с теми же «чудом, тайной и авторитетом». Об этом еще до революции ясно сказал В. М. Шимкевич: «Во всяком случае, мы не вправе останавливаться перед этим экспериментом (искусственного

⁴¹ Вавилов Н. И. – И. И. Иванову, 27.01.1926 // ЦГАМО. Ф. 837. Оп. 1. Ед. хр. 342. Оpubл. в: Н. И. Вавилов. Из эпистолярного наследия, 1911–1928 // Научное наследство. М., 1980. Т. 5. С. 251–252; Кожевников Г. А. О необходимости устройства центрального обезьянника, 15.09.1925 (Копия) // Архив Национального НИИ общественного здоровья (бывш. НИИ им. Н. А. Семашко). Ф. 28 (В. Д. Шервинский). Оп. 12. Ед. хр. 1. Л. 93–94. Мы глубоко признательны профессору М. Б. Мирскому за разрешение ознакомиться с материалами фонда Шервинского.

оплодотворения антропоидных обезьян семенем человека. – К. Р.) в силу соображений того же порядка, которые в средние века приводили на костер женщин, заподозренных в сношении с животными и рождении противоестественных ублютков»⁴².

И здесь мы приходим к неизбежному, по-видимому, выводу относительно нравственной оценки опытов Иванова. Неудивительно, что в опытах этих не усматривали ничего дурного большевики, считавшие себя «воинствующими безбожниками» и нравственными реформаторами. Однако поддержка ими Иванова имела, возможно, не так уж много общего с идеологией, а также «новой», «революционной» моралью. Ведь благожелательно отнеслись к этим опытам также и весьма далекие от какой бы то ни было идеологии ученые, при этом с проблемами антропогенеза профессионально не связанные и потому никак в опытах Иванова не «заинтересованные». Среди них – Э. Ру, А. Кальметт, В. М. Шимкевич, Г. А. Кожевников, а также В. И. Вернадский и Н. И. Вавилов, каждый из которых мог бы служить своего рода эталоном честности и порядочности. И это на самом деле говорит о том, что выдвинуть убедительные этические доводы против опытов скрещивания очень непросто, как бы не хотелось нам поверить в обратное. Возможно, сформулировать их и нельзя вообще, если следовать «современной», а не «средневековой» морали. Морали, которая на первый план выдвигает личность, безнравственным же признает то, что приносит вред конкретным людям, но никак не «оскорбление» или «поругание» возвышающихся над личностью «сущностей» (будь этой «сущностью» даже сам человеческий род). Но был ли в опытах скрещивания конкретный «субъект», которому был бы причинен очевидный вред?

Как станет ясно из следующей главы, проблема нравственного выбора возникла бы по завершении опытов в связи с определением судьбы гибрида. Однако возникла бы только в том случае, если бы опыты и вправду увенчались успехом. Но насколько вероятен был этот «успех», – получение жизнеспособного потомства при скрещивании человека и шимпанзе? Самому Иванову рождение гибрида казалось настолько вероятным, что перед отъездом в экспедицию он напряженно раздумывал, куда бы поместить оплодотворенных самок шимпанзе по возвращении, – в том случае, если дожидаться рождения гибрида в Африке он не успеет из-за ограниченных сроков, а также бюджета экспедиции. Вместе с Г. А. Кожевниковым он предложил организовать специальный питомник обезьян при Институте экспериментальной эндокринологии Наркомздрава. Обращение в ИЭЭ объяснялось тем, что в то время обезьян в Европе уже начали широко использовать в операциях омоложения путем пересадки их половых желез человеку. И действительно, за это предложение прямо-таки хватился помощник директора ИЭЭ и давний знакомый Иванова ветеринар Я. А. Тоболкин. В результате перед отъездом из Москвы 4 февраля 1926 г. Иванов заручился полномочиями не только от АН и СНК, но и от ИЭЭ, поручившего выяснить возможность закупки обезьян в Европе и Африке⁴³.

⁴² Шимкевич В. М. Помеси и ублюдки. СПб.; М.: Т-во М. О. Вольф, 1906. С. 15.

⁴³ Идея операций омоложения исходила от французского хирурга русского происхождения С. А. Воронова, заявлявшего о возможности достичь реального омоложения. Ошибочность этих заявлений стала ясна уже к началу 30-х гг. См.: *Hamilton, D. The monkey gland affair.* L.: Chatto and Windus, 1986; об омоложении в СССР см.: Омоложение. Сборник статей / Ред. Н. К. Кольцов. М.; Пг.: ГИЗ, 1923; Омоложение: Второй сборник статей / Ред. Н. К. Кольцов. 1924; *Мирский М. Б.* История отечественной трансплантологии. М.: Медицина, 1985. О данных Иванову полномочиях см.: Протокол заседания Комиссии по устройству обезьяньего питомника. 7.12.1925 (заверенная копия) // ЦГАМО. Ф. 837. Оп. 1. Ед. хр. 1005; Удостоверение Наркомздрава РСФСР с поручением о закупке обезьян. 29.12.1925 // ЦГАМО. Ф. 837. Оп. 1. Ед. хр. 1006.

Другое дело, что, несмотря на уверенность в успехе, задача Иванова была чрезвычайно сложной, поскольку в то время человекообразные обезьяны исключительно редко размножались в неволе. Искусственное осеменение мыслилось как средство, позволяющее преодолеть «психические» причины бесплодия (первые исследователи, включая Иванова, не раз описывали содержащихся в неволе человекообразных обезьян как «невротиков») и тем самым «заставить» самок шимпанзе приносить потомство⁴⁴. Именно с этими, предполагаемыми преимуществами метода был во многом связан оптимизм Иванова. Однако для этого все-таки необходимы были половозрелые обезьяны. Но их-то в гвинейском питомнике и не было. Когда Иванов добрался до места, ему пришлось сделать ошеломившее его открытие: туземные охотники предпочитали убивать опасных для них взрослых шимпанзе и приводили в питомник обезьян-детей или подростков. А ошибочные утверждения Пастеровского института о наличии на станции взрослых обезьян объяснялись тем, что определять правильно их возраст тогда как следует не умели.

Единственным же «достижением» Иванова за время пребывания в Киндии стало знакомство с губернатором Гвинеи Полем Пуаре. Оказавшийся ровесником Иванова 56-летний администратор откровенно скучал без образованных собеседников и потому не раз принимал Иванова, ведя с ним долгие беседы, в своем дворце в Конакри. Позднее Пуаре поможет ему устроиться в Гвинее самостоятельно, не возвращаясь в Киндию. А пока что приближающийся сезон дождей вынудил Иванова 21 апреля покинуть Конакри и направиться в Париж. Там к нему через несколько месяцев присоединится его сын – тезка отца, студент-биохимик Московского университета (впоследствии – известный советский ученый, чл.-корр. Академии медицинских наук), с ним-то Иванов и совершит в ноябре 1926 г. следующую поездку в Гвинею, во время которой поставит, наконец, свои опыты. Выпавшее же ему с мая до ноября время он использует, осваивая приемы работы с обезьянами, которые содержались для медицинских опытов в Пастеровском институте⁴⁵.

Но возможно ли скрещивание обезьяны и человека «на самом деле», т.е. с точки зрения современной науки? Нужно сказать, что на протяжении долгого времени возможность эта казалась достаточно правдоподобной – и как раз тем, кто профессионально занимался изучением человекообразных обезьян, хотя никто из них на подобные опыты так и не решился. В 1928 г. американский исследователь О. Тинккло, сотрудник знаменитого приматолога Р. Иеркеса, провел переговоры с богатой кубинской любительницей животных Р. Абрё, организовавшей еще в начале века первый в мире питомник для человекообразных обезьян, пытаясь выяснить у нее, на каких условиях она согласилась бы передать питомник в общественное пользование после своей смерти. В составленной им для Иеркеса памятной записке в качестве одного из обсуждавшихся с Абрё направлений для будущих исследований указаны и опыты скрещивания человека с обезьяной посредством искусственного оплодотворения. Твердое убеждение в осуществимости и желательности

⁴⁴ См.: Dr. Calmette with A. Gregg at Institut Pasteur, November 27, 1926 // Robert M. Yerkes Papers. Sterling Memorial Library (New Haven). Collection 569. Box 69. Fld. 1315.

⁴⁵ События экспедиции изложены в дневнике Иванова, 16.03.1926–22.07.1927 // ЦГАМО. Ф. 837. Оп. 1. Ед. хр. 988; ход экспериментов – в двух лабораторных дневниках: 3.06.–12.10.1926 // Там же. Ед. хр. 158; 12.01.–18.07.1927 // Там же. Ед. хр. 987; см. также: Записи (без заглавия) об искусственном осеменении обезьян // Там же. Ед. хр. 1007. См. также: *Иванов И. И.* Отчет по командировке в Западную Африку, 22.12.1927 // ГАРФ. Ф. 3316 (ЦИК СССР). Оп. 45. Ед. хр. 18. Л. 61–109.

опытов гибридизации высказывал и известный немецкий антрополог и приматолог Г. Вайнерт⁴⁶.

Следует иметь в виду, что долгое время ученые были уверены в идентичности числа хромосом у человека и шимпанзе. И только в середине 50-х гг. (абсолютно неожиданно для большинства цитогенетиков) было установлено, что хромосом у человека, в отличие от шимпанзе, не 48, а 46. Но, несмотря на это, продолжали звучать голоса тех, кто полагал, что «положительный» исход здесь не только не исключен, но и возможен. Так, в 1971 г. директор Йеркесовского приматологического института в Атланте, один из «отцов-основателей» американской национальной приматологической программы Дж. Борн писал о принципиальной возможности получения – путем искусственного осеменения – жизнеспособного гибрида человека и шимпанзе, недоумевая при этом, что подобные опыты до сих пор не поставлены. В том же году профессор Йельского университета, специалист в области межвидовой гибридизации животных Ч. Ремингтон привел в печати подробную схему таких опытов⁴⁷.

В СССР ставший профессором Московского университета ученик Иванова М. Ф. Нестурх выразил, – открывая в 1973 г. совещание приматологов и комментируя прочитанное в книге Борна, – твердую уверенность в возможности получения «при помощи искусственного оплодотворения» гибрида между человеком и антропоидными обезьянами и отметил:

...При успехе [...] возникнут столь многие проблемы биологического и иного порядка, что сейчас самое полезное будет закрыть занавес [...] Но не удержусь и провозглашу здравицу ЗА ЖИВОГО ПОМЕШНОГО ОБЕЗЬЯНОЧЕЛОВЕКА: SALUTE, HOMOSIMIE SANGUIMIXTE! ... При успехе возникнут новые крупные проблемы биологического и социального порядка. Но смущаться ученому тут нечего. И в заключение я хочу по этому случаю, опережая события, провозгласить еще раз здравицу помесному гомункулюсу⁴⁸.

В словах Нестурха звучит искренняя преданность идее, но представляется, что он ни за что бы не стал говорить об этой идее публично – пусть даже перед симпатизирующими ему, патриарху отечественной приматологии, учеными, – если бы знал, что она может быть воспринята не только как необычная или экстравагантная, но и как нравственно небезупречная. Так значит, наше интуитивное отвращение определялось и определяется отжившими предрассудками? И следовательно, симпатизировавшие Иванову ученые просто поняли это скорее, чем остальные, над кем иррациональные, средневековые табу до сих пор сохраняют свою власть?

⁴⁶ *Tinklepaugh, O. L.* Memo on Abreu situation based on conversations in Washington D.C. September 1928 // *Yerkes Papers*. Sterling Memorial Library, New Haven. Collection 569. Box no. 1. Folder 7; *Weinert, H.* Kreuzungsmöglichkeiten zwischen Affe und Mensch // *Volksaufartung, Erbkunde, Eheberatung*. 1929. Bd. 4. S. 219–222; *Weinert, H.* Ursprung der Menschheit. Über den engeren Anschluss des Menschengeschlechts an die Menschenaffen. Stuttgart: Enke, [1932] 1944. S. 169–171.

⁴⁷ *Bourne, G. H.* The ape people. N. Y.: G. P. Putnam's Sons, 1971. P. 261–262; *Remington, Ch. L.* An experimental study of man's genetic relationship to great apes, by means of interspecific hybridization // *Katz, J.* Experimentation with human beings. N. Y.: Russel Sage, 1971. P. 461–464.

⁴⁸ *Нестурх М. Ф.* Вступительное слово // Биология и акклиматизация обезьян (Материалы симпозиума 15–17 октября 1973 г.). М.: Наука, 1973. С. 7–8.

3. Так люди ли негры?

Пока что от участников событий мы не услышали внятных этических возражений, оказавшись, таким образом, перед дихотомией: гибридизация как серьезная научная проблема, с одной стороны, и препятствующие научному поиску предрассудки – с другой. Отказаться от этой «опасной» для нашего интуитивного понимания оппозиции мы могли бы, если сумели бы доказать, что Иванов и сам, проводя свои опыты, находился под влиянием тех или иных «предрассудков».

Любопытно, что во всем архивном и тем более опубликованном наследии Иванова нет ни слова об ожидавшей гибрида человека и обезьяны участи. Лишь раз он с раздражением отметил, что подобные разговоры ненаучны, имея, очевидно, в виду, что они преждевременны. Можно предположить, что гибриду, или, как выразился М. Ф. Нестурх, «помесному гомункулюсу» был бы все же дарован определенный этический статус, и он, по крайней мере, был бы избавлен от жестоких опытов. Но какой бы ни была возможная судьба гибрида, абсолютно ясно одно: Иванову чуждо было представление о том, что появление его на свет должно хоть как-то изменить статус второго родителя – обезьяны. Сама возможность того, что резкое сокращение биологического расстояния между человеком и обезьяной, а также появление новых, непосредственных «уз родства» заставят признать за человекообразными обезьянами хотя бы какой-то этический статус, ограничивающий произвол экспериментатора, – даже не приходила ему в голову. От ученого-экспериментатора вообще-то не следует ожидать признания «прав» лабораторных животных. Однако все экспериментаторы (и даже защитники животных – противники vivisection) исходили из факта безусловного отличия человека от животного, на что Иванов опираться уже не мог бы. О какой уж тут безусловности могла бы идти речь, коль скоро ученый доподлинно знал бы, что изучаемая им обезьяна может в принципе, – стоит только «захотеть» – стать «матерью его детей». Но, несмотря на это, Иванов принимал как данность, что даже после рождения гибрида (или гибридов) человекообразные обезьяны будут использоваться в создававшемся в Советском Союзе питомнике для пересадок половых желез и прочих опасных и жестоких опытов. Вернувшись из Африки, Иванов заговорил о лабораторном «обезьяноводстве» как «новой отрасли животноводства», имея в виду в том числе и обезьян человекообразных⁴⁹.

Поразительно, что и никто из знавших об опытах Иванова не делал этих, казалось бы, очевидных этических выводов, которые неизбежно были бы сделаны из «успеха» подобных экспериментов сегодня. Это ведь и вправду парадоксально: отменяя «пропасть» биологическую, Иванов и другие ученые сохраняли ее в виде «пропасти» нравственной. И увенчайся опыты «успехом», видовая граница была бы «нарушена», но не «разрушена», по-прежнему отделяя человека как субъекта прав от лишенных какого бы то ни было этического статуса человекообразных обезьян. И в этом смысле история экспедиции Иванова чрезвычайно поучительна для понимания тогдашнего отношения к животным. Как мы увидим, «специцизм» Иванова, его нежелание делать этические выводы из биологических фактов покоились на фундаменте расовых предрассудков: ощу-

⁴⁹ О «ненаучности» разговоров, связанных с будущим гибрида, см.: Иванов – В. Бэтсону (W. Bateson), 23.02.1925 (черновик) // ЦГАМО. Ф. 837. Оп. 1. Ед. хр. 307; об «обезьяноводстве» см.: тезисы доклада Иванова на лекционном вечере «Проблема омоложения и органотерапия – от обезьяны к человеку». 23 апреля 1929 г. // ЦГАМО. Ф. 837. Оп. 1. Ед. хр. 1023.

за эта была заменена на: «Негры, вообще говоря, очень веселый и добродушный народ»⁵¹.

Иванов не мог отказаться от негров-помощников, ведь весь «штат» экспедиции состоял из него самого и его сына. Высадившись 14 ноября 1926 г. в столице французской Гвинеи Конакри, Иванов и сын устраиваются, благодаря губернатору Пуаре, в Ботаническом саду в Камайене, неподалеку от Конакри. Здесь они находят для себя квартиру и здесь же намереваются в дальнейшем организовать временный обезьянник, где собираются поставить опыты искусственного осеменения шимпанзе. Для ловли обезьян Иванов с сыном, три помощника-негра и прикомандированный Пуаре чиновник 30 декабря выезжают в местность Фута-Джалон, – гористое плато, изобилующее шимпанзе. Там они проводят показательную охоту для обучения местных охотников новым методам ловли обезьян при помощи привезенных из Европы специальных, очень прочных сетей. Возвратившись 18 января 1927 г. в Камайен, Иванов уже имеет в своем распоряжении трех взрослых шимпанзе, а дружеское расположение Пуаре в дальнейшем позволяет получить от негров-охотников несколько новых партий обезьян. За пойманными обезьянами ухаживают опять-таки негры, хотя они, пишет Иванов, «в громадном большинстве, лодыри и бестолковые люди, на которых нельзя положиться».

Пока что расизм Иванова остается в рамках «обычного» высокомерия европейского путешественника, но в отличие от «обычного» европейца, Иванов был ученым, притом незаурядным, – и расовые предрассудки начинают определять содержание его научных представлений, а также сам ход предпринимаемых исследований. Так, Иванова чрезвычайно занимает вопрос об отношении негров к обезьянам. Ведь местные негры и обезьяны живут «бок о бок» на протяжении тысяч, если не десятков тысяч лет. Так почему же, – коль скоро рождение гибрида человека и шимпанзе возможно в лаборатории, – гибридизация не происходит в «естественных условиях»? И с самого начала Иванов хочет проверить «слухи о похищении женщин самцами антропоморфных обезьян и о прижитии с ними детей». С другой стороны, приехав в Гвинею, Иванов очень быстро приходит к выводу, что это – всего лишь слухи, до сих пор, пишет он, здесь «не было отмечено ни одного достоверного факта». И тут же дает этому объяснение, перенося стереотипы отношений двух рас на отношения негров и обезьян. «Негры, – пишет Иванов, – относятся к обезьянам и особенно к шимпанзе как к низшей человеческой расе. Женщины, изнасилованные обезьянами, считаются оскверненными. Такие женщины третируются как парии, социально погибшие и, как мне передавали, обычно бесследно исчезают»⁵².

Таким образом, постулируемые расовые чувства негров изолируют и «охраняют» нас, как вид, от других, ниже стоящих видов. Подобное объяснение весьма остроумно, хотя и следует иметь в виду, что в XIX и в начале XX вв. западное воображение часто представляло дикарей и человекообразных обезьян как находящихся в состоянии непримиримой «расовой» вражды. Достаточно вспомнить, например,

⁵¹ Иванов И. И. Африканские заметки. Из воспоминаний участника экспедиции профессора И. И. Иванова // ЦГАМО. Ф. 837. Оп. 1. Ед. хр. 990. Л. 22; Иванов – Н. Я. Кузнецову, без даты // ЦГАМО. Ф. 837. Оп. 1. Ед. хр. 299; Иванов – Я. А. Тоболкину, 23.05.1927 // Там же. Ед. хр. 1010; Иванов И. И. Африканские заметки... Л. 7.

⁵² Иванов – Я. А. Тоболкину, 23.05.1927 // Там же. Ед. хр. 1010; Дневник Иванова // Там же. Ед. хр. 988. Л. 7; Иванов И. И. Отчет по командировке в Западную Африку, 22.12.1927 // ГАРФ. Ф. 3316 (ЦИК СССР). Оп. 45. Ед. хр. 18. Л. 107.

«Затерянный мир» А. Конан-Дойля, где первобытные люди и безобразные человекообразные ведут непрерывную войну. Также и с точки зрения современного дарвинизма (так называемой «синтетической теории эволюции»), видообразованию кладется начало изоляцией, и только затем дивергирующие, не скрещивающиеся между собой популяции «наполняются» специфическим генетическим содержанием, характеризующим их уже как различные виды. Причины же изоляции могут быть и «психологическими», сводясь к вражде или отвращению от полового контакта, – и нет оснований начисто исключать роль подобных факторов, когда речь идет о дивергенции различных видов гоминид. Так что «отвращение» могло появиться как результат единичной мутации сначала и только затем найти реальное «подтверждение» в бесспорном уже превосходстве человека над обезьяной. Однако в своих догадках Иванов исходит из сугубо расистских представлений: негров и обезьян разделяет та же, по сути своей, эмоциональная дистанция, что разобщает белых и негров.

Особая чувствительность негров к нарушению видовой границы – не просто наблюдение натуралиста или этнографа, а имеет непосредственное значение для организации опытов. Иванов панически боится, что неграм станет известно о цели его исследований. В дальнейшем, искусственно осеменяя самок шимпанзе, он будет говорить неграм, что проводит медицинское обследование или лечение обезьян. И во многом поэтому, – поскольку посвятить негров в свои планы и рассчитывать на их помощь Иванов не может, – шимпанзе представляют собой такую серьезную опасность. Несмотря на относительно небольшой рост, эти человекообразные обезьяны настолько сильны, что справиться с разъяренным взрослым шимпанзе в состоянии лишь четверо взрослых мужчин. Входя в клетку, Иванов, как он пишет, на всякий случай, кладет в карман браунинг. Корреспондент русской эмигрантской газеты, оказавшийся в это время в Конакри и посетивший Иванова, следующим образом опишет его временный обезьяний питомник: «В саду ряд клеток, в которых на цепи, до приручения, три огромных шимпанзе». Самого же Иванова он, по первому впечатлению, охарактеризует как «почтенного старика с длинной седой бородой, в очках – типичного русского профессора доброго старого времени»⁵³.

28 февраля 1927 г. опыты были поставлены на первых двух самках – Бабет (Babette) и Сивет (Syvette). «Обезьяны ловились в клетке, так как заказанная в Париже клетка для усыпления обезьян не была еще доставлена. Для поимки обезьяны внутри большой клетки с двумя половинами сеть подвешивалась в одной половине так, что когда в эту часть перегонялась обезьяна, она попадала как бы в мешок из сети, оба конца которого были наружи и могли быть быстро закручены. Обезьяна, стянутая сеткой, вытягивалась наполовину из дверцы клетки». Следующий эксперимент был поставлен только 25 июня, когда шимпанзе по кличке «Черная» была подвергнута искусственному осеменению под общим наркозом. Столь значительный перерыв объясняется тем, что во временном обезьяннике в начале марта разразилась сильнейшая эпидемия амебной дизентерии, унесшая жизни многих шимпанзе. Из протоколов экспериментов 28 февраля и 25 июня невозможно понять, были ли два донора семени белыми или неграми, – приводится только их возраст, не совпадающий ни с возрастом Иванова, ни его сына⁵⁴.

⁵³ Ткачев В. Письма из Африки. Французская Гвинея // Русское Время. 6.07.1927.

⁵⁴ Иванов И. И. Отчет по командировке в Западную Африку, 22.12.1927 // ГАРФ. Ф. 3316 (ЦИК СССР). Оп. 45. Ед. хр. 18. Л. 73; см. также: Лабораторный дневник. 12.01–18.07.1927 // Ф. 837. Оп. 1. Ед. хр. 987; Записи об искусственном осеменении обезьян // Там же. Ед. хр. 1007.

При всем при том опыты ставятся методически совсем не так, как следовало бы. «Впрыскивание [семени] проходило при очень нервной обстановке и неудобных условиях. Опасность со стороны обезьян, работа на земле, необходимость скрывать». Поэтому не удалось осуществить внутриматочного введения семени с использованием зеркала, что значительно снизило, по мнению Иванова, шансы на успешное оплодотворение: «...В тех условиях, в которых я находился, сделать этого было нельзя. Впрыскивания надо было делать быстро и так, чтобы не давать присутствующим неграм пищи для толкований и выводов, которые для нас могли бы повлечь большие неприятности»⁵⁵.

Следует признать, что протоколы опытов читаются совсем не с той степенью беспристрастности и бесчувственности, с какой были написаны, оставляя по себе ощущение недопустимого насилия. И это ощущение мы могли бы отнести на счет нашего собственного антропоморфизма и эмоций, а Иванова считать заинтересованным единственно в научной истине и чуждым субъективизма исследователем, однако вывод этот был бы неверен. За характерной для экспериментатора нейтральностью тона стоит на самом деле страх, который, что важно, не является неизбежным чувством, вызванным объективными причинами – отношениями между человеком и пойманными им шимпанзе, – а обусловлен отношениями человеческих рас между собою. Ведь явная «природная» враждебность обезьян к человеку многократно усиливается тем, что Иванов боится негров, приписывая им расовые чувства против обезьян, и потому торопится с проведением опытов, обращаясь с обезьянами жестоко, что только усиливает их враждебность к человеку. В свою очередь, нравственное расстояние между европейцами и африканцами настолько велико, что нечего и пытаться им что-то втолковывать о смысле опытов, а «истинным» представителем человеческого рода оказывается белый исследователь, резко отделенный от «африканской природы», – как шимпанзе, так и негров.

Реально существовавшее отчуждение между расами объясняет, по-видимому, ту легкость, с какой Иванов решается поставить опыты не только на шимпанзе, но и... на африканских женщинах. Обращают на себя внимание два обстоятельства: во-первых, Иванов не испытывает абсолютно никаких моральных колебаний, во-вторых, открыто обсуждает свои планы с готовыми пойти ему навстречу французскими врачами. Предвидя, что число подопытных обезьян будет невелико, Иванов с самого начала экспедиции повел переговоры о возможности поставить эксперименты на женщинах «под надзором, – пишет он в дневнике, – врачей и присмотром персонала больничного». 14 ноября, только-только устроившись в Камайене, он говорит об этом с Пуаре: «Сообщил Poiret план своих работ и привлечения к этому делу д-ра Pezé (врач местного госпиталя для туземцев. – К. Р.). Poiret согласился со мной и обещал переговорить с д-ром Pezé. От Poiret визит к Dr. Pezé. Сговорились с двух слов».

Абсолютно чудовищными эти планы делает то, что опыты Иванов собирается проводить без ведома и согласия самих женщин. 23 ноября он приходит в госпиталь, чтобы зафиксировать точную дату начала экспериментов, но неожиданно узнает от Пезе, что

⁵⁵ Лабораторный дневник. 12.01–18.07.1927 // Там же. Ед. хр. 987. Л. 16–18; Записи об искусственном осеменении обезьян // Там же. Ед. хр. 1007. Л. 37.

губернатор категорически запретил без его разрешения ставить опыты в госпитале, что он уехал в Дакар и там будет говорить по этому вопросу с генер[ал]-губерн[атором] и с Lascenet (заведующий санитарной частью в колонии Западная Африка, к которой относилась и Гвинея. – К. Р.). Вернется Poiret не раньше 2 нед[ель], а до тех пор надо ждать, т. к. губернатор категорически запретил без его разрешения ставить опыты в госпитале. Вне госпиталя (dehors) – да, но это, разумеется, меняет дело и не дает никакой гарантии на чистоту опыта.

И вот с каким «праведным» негодованием пишет Иванов о решении губернатора:

Итак, Poiret дал мне хороший урок. Можно было изменить свое решение, но, по крайней мере, поставить меня об этом в известность. Затем я предупреждал его, что говорю с ним конфиденциально и прошу ни с кем не говорить о моем проекте, кроме как с д-ром Pezé. Интересно, как объяснит свое поведение Poiret. Для Иль-яшки [Иванова-младшего] эта история была громом среди ясного неба. Да и для меня тоже. Положение крайне скверное [...] Да и что нового скажет Poiret, вернувшись из Дакара? Разве только, что и dehors ставить опыты нельзя⁵⁶.

Нравственная физиономия Иванова для нас тут становится окончательно ясной. Однако сам он, судя по тону дневников и переписки, не видит нужды оправдываться. Понятно, что научный интерес может достигать масштабов мономании, но все же, как он – «почтенный старик», «типичный русский профессор доброго старого времени», наконец, любящий муж и отец (об этом можно опять-таки судить по дневниковым записям) – объяснял себе и окружающим мотивы своего решения превратить африканских женщин в подопытных существ? Такое объяснение действительно присутствует и сводится к «отсталости» африканских народов: «...Пока женщина не вышла замуж, она находится на иждивении родителей или ближайших родственников. Если она овдовела, то переходит в качестве жены к ближайшему родственнику умершего. Религиозные и бытовые условия таковы, что женщина ни в коем случае не захочет добровольно подвергнуться опыту». Иными словами, невыделенность человека, а женщины в особенности, из традиционных общественных и семейных структур, а также невозможность объяснить неграм значение «науки» приводят к выводу, что решение может быть принято и за женщину, особенно ради «благородной» цели.

Скорее всего, здесь мы имеем дело не только с ощущением культурного превосходства над невежественными неграми, – об этом можно судить по отдельным, прорывающимся у Иванова нотам «биологического» расизма. В частности, когда он предполагает, что мог бы поставить опыты на женщинах-пигмейках, с которыми, в силу их незнакомства с цивилизацией, затруднений возникнуть, как пишет он, не должно. Знать ничего не зная о пигмеях, он тем не менее говорит о них как о «примитивной расе негров, живущих в лесах на деревьях». А чего стоит одна только фраза из его официального отчета об экспедиции, объясняющая, почему опыты эти провести не удалось: «*Заказанные в колонии Gabon шимпанзе и пигмеи доставлены не были* (курсив наш. – К. Р.)»⁵⁷.

Планы Иванова поставить опыты на женщинах по-разному влияют на отношение к нему окружающих. В частности, губернатор Пуаре хотя и запрещает прово-

⁵⁶ См.: Дневник Иванова // ЦГАМО. Ф. 837. Оп. 1. Ед. хр. 988. Л. 46–50.

⁵⁷ Иванов И. И. Отчет по командировке в Западную Африку // ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 45. Ед. хр. 18. Л. 76; Иванов – хранителю Музея Бельгийского Конго (Conservateur de Musée de Congo). 19.07.1926 // ЦГАМО. Ф. 837. Оп. 1. Ед. хр. 429. Л. 10–11.

дить опыты в госпитале, но вовсе не меняет своего доброжелательного отношения к Иванову, помогая в дальнейшем организовать поимку обезьян, а затем и получить лицензию на их вывоз в Советский Союз. Хорошие отношения Иванов сохраняет и с доктором Пезе, – тот сводит его с другими врачами, с которыми Иванов ведет переговоры о возможных опытах на местных женщинах. К великому нашему облегчению, из этих планов ничего не выходит.

Принципиально иным оказывается отношение Академии наук, которую Иванов подробно информирует, так же, как и своего главного патрона Н. П. Горбунова, о ходе экспедиции. И узнав, таким образом, от него самого о намерении проводить опыты на женщинах, Академия решительно Иванова осуждает. Для рассмотрения этих планов она создает Особую комиссию под председательством зоолога академика П. П. Сушкина, в ее состав включаются также зоолог академик А. А. Бялыницкий-Бируля и антрополог профессор С. И. Руденко. Свое мнение комиссия формулирует в достаточно энергичных выражениях, обращая, в частности, внимание на «тяжелое положение жертвы такого эксперимента (в случае рождения ребенка-гибрида. – К. Р.) среди окружающих ее» и «подрыв доверия» и отношения примитивных народов к исследователям. В итоге «Комиссия [...] настоятельно рекомендует ограничить опыты обсеменением самок шимпанзе». Она «не находит возможным» даже просто поддержать перед правительством поступившую от Иванова просьбу о дополнительных ассигнованиях, которые позволили бы продолжить опыты в Африке, хотя и соглашается продлить срок командировки до 1 августа 1927 г.⁵⁸ Позиция комиссии – свидетельство ее принципиальности и только подтверждает высказанное в предыдущей главе мнение: академики согласились в 1925 г. с планом Иванова провести искусственное оплодотворение шимпанзе семенем человека не из-за «конформизма», а потому, что не видели в тех, первоначальных планах ничего явно предосудительного. Эта принципиальность оттеняется тем, что П. П. Сушкин лично и еще до революции хорошо знал Иванова.

В то же время Иванова продолжает поддерживать Горбунов, хотя теперь, не имея заключения Академии наук (а равно – и какого-то иного авторитетного научного учреждения), он, по-видимому, не считает для себя возможным добиваться дополнительных ассигнований от правительства. В результате 1 июля 1927 г. Иванов и сын вынуждены покинуть Африку, погрузившись вместе с 13 шимпанзе и 2 низшими (нечеловекообразными) обезьянами на пароход и отплыв в Марсель, откуда обезьяны были уже переправлены в Сухуми.

Но уже 22 июля в Марселе от туберкулеза погибает шимпанзе Черная, затем – во время перехода в Сухуми – умирает Сивет, в сентябре же в Сухуми уходит из жизни Бабет. Ни у одной из них признаков беременности обнаружено не было, в том числе и при вскрытии. Однако это не могло исключить принципиальную возможность гибридизации, – число опытов было попросту слишком мало. Ведь даже при применении метода искусственного оплодотворения в гинекологии вероятность успеха в то время составляла примерно 30 процентов, и это при условии повторных введений семени на протяжении шести месяцев⁵⁹. Поэтому эксперименты, по мнению Иванова, следовало непременно продолжить. В отчете об экспедиции он писал: «Уже сам по себе факт посылки нашей экспедиции [...] является в исто-

⁵⁸ Председатель Комиссии П. П. Сушкин – в Президиум Академии наук. 30.05.1927 // ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 45. Д. 18. Л. 1–2.

⁵⁹ Rohleder, H. O. Die künstliche Befruchtung vom Standpunkt der Sexualreform // Weil, A. Sexualreform und Sexualwissenschaft. Stuttgart: J. Puettmann, 1922. S. 215.

рии науки крупным актом, раз навсегда устанавливающим права гражданства за выдвинутой нами на очередь научной проблемой, до того времени остававшейся в глазах огромного большинства, даже биологов, каким-то “табу”»⁶⁰.

На самом деле намерение провести эксперименты на ничего не подозревавших африканских женщинах дискредитировало начинание Иванова перед Академией наук. Отныне и, как увидим, навсегда она отказывает ему в поддержке. Однако возражения против опытов на африканских женщинах самой идеи гибридизации как таковой не затрагивают. Мы также можем легко представить себе исследователя, который, занимаясь все той же проблемой гибридизации, на преступные опыты с женщинами ни за что не пошел бы.

В то же время нравственный смысл, связывавшийся в колониях с дихотомией «человек» – «животное», не вызывает у нас абсолютно никакого уважения. Отчуждение между расами было в Африке до такой степени глубоким, что и сама граница между человеком и человекообразными обезьянами стала проекцией этого отчуждения и пролегла не столько между видами, сколько между людьми разной расы. Но есть ли тогда у этой границы собственный, а не заемный нравственный смысл, пусть даже вне зависимости от того, какой он: положительный или отрицательный? Очевидно, ответ можно получить там, где смысл этот не затемняется массой «сопутствующих» моментов, – социальными и культурными перегородками и иерархиями. В частности там, где можно отвлечься от расового «момента» и где, как можно было бы надеяться, утратит свою силу также и «специцизм», – признание исключительных прав за человеком и тупое, вопреки любым доводам и фактам, отрицание какого бы то ни было этического статуса за другими видами.

Подобной свободы от предрассудков следовало бы ожидать от дальнейших экспериментов Иванова, которые он планировал провести в Советском Союзе на женщинах, но не на черных, а на белых и при этом добровольно и сознательно согласившихся в них участвовать.

Опыты предполагалось организовать в Сухуми, куда в августе 1927 г. поступила от Иванова партия обезьян (сам он из-за болезни задержался на несколько месяцев во Франции). Прибытие этой партии стало официальной датой рождения нового научного учреждения – Сухумского питомника обезьян. Как отмечалось в предыдущей главе, питомник был организован под эгидой Института экспериментальной эндокринологии, а его руководителем стал помощник директора института Я. А. Тоболкин. В то время как Иванов был в Африке, Тоболкин сумел подготовить место для питомника, а также выезжал в Европу для знакомства с содержанием обезьян в тамошних зоопарках. Иванов же помогал созданию питомника благодаря своим связям и постоянной переписке с Горбуновым. Именно Горбунов смог обеспечить финансирование питомника, так как ни у ИЭЭ, ни у Наркомздрава средств для этого не было, и ассигнования проходили через Управление делами и затем Совнарком «в порядке особых ходатайств»⁶¹.

---

⁶⁰ *Иванов И. И.* Отчет по командировке в Западную Африку // ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 45. Ед. хр. 18. Л. 68.

⁶¹ К тому же эти средства начали отпускаться лишь после того, как правительство приняло в сентябре 1925 г. решение о финансировании экспедиции Иванова. Поэтому мы не можем согласиться с О. Шишкиным, полагающим, что, создавая питомник, советское правительство было прежде всего заинтересовано в получении желез обезьян для операций омоложения. Нет также абсолютно никаких данных о заинтересованности в подобных операциях кремлевских «верхов» («членов политбюро», как пишет Шишкин). *Шишкин О.* Красный Франкенштейн...

Возможно, этой же причиной – заинтересованностью Тоболкина в отношениях с Ивановым и Горбуновым – объясняется и то, что в составленном 13 сентября 1927 г. «Перспективном 5-летнем плане» ИЭЭ в качестве одной из двух стоящих перед питомником задач значится «продолжение работ проф. Иванова по гибридации». (Второй – стало «изучение желез внутренней секреции у обезьян»⁶².) Решение ставить эксперименты на женщинах объяснялось просто: длительное содержание человекообразных обезьян в условиях «крайнего Севера», которым были для них субтропики, представлялось проблематичным, а при проведении опытов на женщинах потребовалось бы, как не раз отмечал Иванов, намного меньше взрослых обезьян в качестве доноров семени, чем в том случае, если бы искусственному осеменению подвергались самки шимпанзе.

4. Люди ли женщины?

Пытаясь найти в предприятии Иванова нравственный изъян, мы на самом деле судим его за непоследовательность, – т. е. не за сами опыты, а за то, что он не сделал и не готов был делать из них необходимых нравственных выводов, вовсе не собираясь отказываться от отношения к обезьянам как к лабораторным животным. В то же время мы видим, что когда граница между «человеком» и «животным» оказывается хотя бы сколько-нибудь «прочной», то утверждается «прочность» за счет предрассудков, за счет дискредитировавших себя границ *между людьми*, за счет невозможной более в современном мире веры в органическое строение общества. Выходя за рамки представлений о личности как основном и, пожалуй, единственном источнике морали, мы могли бы, в принципе, опереться на идею неких «естественных» общностей, объединяющих людей по «праву рождения» и потому обладающих этической непреложностью, но всякий раз идея эта оказывается безнадежно скомпрометированной. И если в предыдущей главе речь шла о предрассудках расовых, то здесь мы оказываемся свидетелями того, как планы проведения экспериментов на женщинах делают явными стереотипы неравенства полов, присутствующие, по-видимому, в нашем собственном сознании.

С одной стороны, планы проведения опытов в Сухуми находились в общем русле политики эмансипации женщин. Большевики осуществили передовые для своего времени реформы, касавшиеся семьи и положения женщин, отменив, например, унижительные законы о внебрачных детях и разрешив разводы. Когда в 1928 г. началась так называемая «культурная революция», то на очередь дня вышли лозунги радикального преобразования быта и «разрушения семьи»⁶³. И наряду с отрицанием патриархальной семьи и «семейного рабства», большевики, по крайней мере некоторые из них, признали, как увидим, и «право» женщин на добровольное участие в опытах гибридации. С другой стороны, опыты, в которых матерью гибрида является женщина, вызывают у нас, похоже, намного большее возмущение, чем такие же опыты, где в качестве матери выступает самка шимпанзе. Но, собст-

⁶² См.: Перспективный 5-летний план развертывания деятельности ГИЭЭ Наркомздрава. 13.09.1927 // Архив Национального НИИ общественного здоровья. Ф. 28 (В. Д. Шервинский). Оп. 12. Ед. хр. 2. Л. 74.

⁶³ См.: Stites, R. The women's liberation movement in Russia: feminism, nihilism, and Bolshevism, 1860–1930. Princeton: Princeton Univ. Press, 1978; подробнее о «культурной революции» см.: Cultural Revolution in Russia, 1928–1931 / Ed. by S. Fitzpatrick. Bloomington: Indiana Univ. Press, 1978; *Idem*. The cultural front: power and culture in revolutionary Russia. Ithaca: Cornell Univ. Press, 1992.

венно говоря, почему? Вопрос этот неизбежно возникает, коль скоро мы действительно считаем, что мужчина и женщина несут равную ответственность перед своим потомством. Почему человеческое – пусть даже наполовину – существо, рожденное обезьяной и несущее человеческие гены, переданные отцом-мужчиной, возмущает наши «естественные» чувства меньше, чем гибридное существо, рожденное женщиной? Наверно, потому, что в первом случае все происходит не на глазах у отца, который может просто «забыть» о своем потомстве еще до появления его на свет, тогда как о таком же гибриде-ребенке, рожденном в человеческом обществе и воспитываемом в детской, «забыть» будет намного сложнее.

Но ведь это чисто мужское различие, продиктованное неравенством полов и лицемерной общественной моралью, разрешающей мужчинам то, что запрещается женщинам. Сходно оно и с тем «тонким» различием, которое мужчины-расисты проводили в колониях: мулаты в семьях негритянок – простительная слабость европейцев, а появление такого же ребенка у белой женщины – непростительный грех. Очевидно, нам особенно сложно принять, что даже такие искренние и естественные эмоциональные реакции, как ненависть, отвращение или страх, могут быть не проявлением нашего аутентичного «я», а производным от общественных интересов и стереотипов. Тем не менее в данном случае это, по-видимому, так: если опыты осеменения самок шимпанзе этически приемлемы, то почему непозволительны опыты осеменения женщин, добровольно согласившихся в них участвовать?

Вернувшись в Москву осенью 1927 г., Иванов был вынужден сосредоточиться на работе в ветеринарии. По прошествии некоторого времени он напишет своему давнему другу Н. Я. Кузнецову, что оценка Академией наук его опытов резко изменилась:

...Кругом, кроме явного замешательства и даже хулиганского отношения, редко видишь хотя бы терпимое отношение к моим необычным исканиям. Однако я не сдаюсь и, наплевав на выходки наших «старцев» и их подхалимов, продолжаю добиваться возможности начатые опыты довести до более солидного числа и получить ответ на поставленные вопросы. Веду переговоры и надеюсь получить поддержку там, где, если нет академического колпака на голове, есть здравый смысл и отсутствие профессиональной нетерпимости⁶⁴.

Как говорилось выше, академики были возмущены намерением Иванова изменить заявленные первоначально планы и экспериментировать на африканских женщинах; а кроме того, негодование могло вызвать у них и намерение проводить дальнейшие опыты на советских женщинах, пусть даже с полного их согласия. 11 апреля 1928 г. на заседании Отделения физико-математических наук академик В. Л. Комаров, ботаник и будущий президент Академии, заявил: «...А[кадемии] н[аук] следует высказать ясно и твердо свое вполне отрицательное отношение к предложению профессора И. И. Иванова о скрещивании человека с обезьяной как не научному и не могущему дать никакого результата» Но почему, спрашивается, В. Л. Комаров не протестовал против этих опытов, когда они обсуждались в Академии еще в 1925 г.? Можно предположить, что дело здесь не в столько в «ненаучности», сколько в том, что, с точки зрения академиков, Иванов в Африке вышел

⁶⁴ Иванов – Н. Я. Кузнецову. 14.06. [1928 или 1929 г.] // ПФА РАН. Ф. 793 (Н. Я. Кузнецов). Оп. 2. Ед. хр. 274. Л. 28–28об.

за границы допустимого. Ведь, как не раз отмечалось историками, научному сообществу подчас «легче» пожертвовать репутацией отдельного ученого и объявить работы его «ненаучными», чем признать, что подлинно научные исследования могут «незаметно» перейти нравственную грань⁶⁵.

Ожидания Иванова, о которых он писал Кузнецову, были теперь еще в большей степени, чем прежде, связаны с коммунистами. И не только с администраторами, но и с коммунистами-учеными, а также структурами, создававшимися ими для «большевизации» науки. Прежде всего – с Коммунистической академией; она была основана еще в 1918 г. и занималась проблемами общественных наук, но 31 января 1925 г. организовала под началом математика и будущего исследователя Арктики О. Ю. Шмидта Секцию естественных и точных наук «для борьбы за строго материалистическую науку»⁶⁶. В первые годы в секции господствовали так называемые «механисты» – представители одного из двух, соперничавших в Академии философских направлений, большая часть из которых занимала применительно к биологии ламаркистские позиции. Но в 1928–1929 гг. верх в Академии одержали «диалектики», или представители школы А. М. Деборина. Среди них были и серьезные ученые. Одним из активных деятелей секции стал выдающийся генетик профессор А. С. Серебровский, а заместителем Шмидта – ученик Серебровского генетик и врач С. Г. Левит, он через несколько лет организует в Москве первый в Европе Медико-генетический институт. К этой же группе генетиков-коммунистов следует отнести И. И. Агола, В. Н. Слепкова, а также историка и философа биологии М. Л. Левина, в прошлом ученика знаменитого швейцарского антрополога Р. Мартина⁶⁷.

С самого начала секция уделяла внимание исследованиям, которые были, с ее точки зрения, особенно важны для упрочения материалистических идей в естествознании либо не могли по идеологическим причинам развиваться в капиталистических странах. Так, в 1926 г. секция, где тогда еще господствовали ламаркисты, оказала поддержку австрийскому зоологу П. Каммереру: в своих опытах он якобы доказал наследование приобретенных признаков, а непризнание его результатов на Западе в Комакадемии относили на счет его прогрессивных политических, а также материалистических взглядов. В предвидении, как полагали в секции, скорой кончины И. П. Павлова и неминуемого «раздела его научного наследства» между учениками Комакадемия пригласила на работу одного из учеников – «материалистически настроенного» Д. С. Фурсикова, организовав для него в 1926 г. специальный Институт по изучению высшей нервной деятельности. Наконец, в Комакадемии думали и об опытах Иванова. 23 июня 1928 г. на заседании президиума

⁶⁵ Протокол VIII заседания Отделения физико-математических наук от 11.04.1928 // ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1 – 1928. Ед. хр. 177. Л. 134об.; *Gieryn, Th. F. Boundaries of science // Handbook of Science and Technology Studies / Ed. by S. Jasanoff, G. Markle, J. Petersen, T. Pinch. Thousand Oaks, CA.: Sage Publications, 1995. P. 393–443.*

⁶⁶ См.: Протокол № 6 заседания Секции естественных и точных наук. 30.03.1925 // АРАН. Ф. 351. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 12.

⁶⁷ Подробнее об этой группе биологов см.: *Гайсинович А. Е. Зарождение и развитие генетики. М.: Наука, 1988. С. 280–327; Idem. The origins of Soviet genetics and the struggle with Lamarckism, 1922–1929 // Journal of the History of Biology. 1980. Vol. 13. P. 1–51; о Комакадемии и философских спорах см.: *Joravsky, D. Soviet Marxism and natural science, 1917–32. N. Y.: Columbia Univ. Press, 1961; David-Fox, M. Revolution of the mind: higher learning among the Bolsheviks, 1918–1929. Ithaca: Cornell University Press, 1997; Колчинский Э. И. В поисках советского «союза» философии и биологии. Дискуссии и репрессии в 1920 – начале 1930-х гг. СПб.: Захаров, 1999.**

А. С. Серебровский (1892–1948) – выдающийся советский генетик на сельскохозяйственной опытной станции, начало 1920-х гг. Публикуется с разрешения Архива РАН

довский, постановило: «Просить Коммунистическую Академию взять на себя всестороннее рассмотрение выдвинутых проф. Ивановым предложений [...] и затем взять на себя постановку необходимых опытов». Собрание особо отметило, что Академия наук все еще не прислала заключения на отчет Иванова. И здесь необходимо иметь в виду, что к концу 1928 г. Академия наук стала для советского правительства (в том числе для Н. П. Горбунова и его подчиненных) врагом – оплотом «старой» науки, подлежащим реформированию или ликвидации. Конфликт был прямо связан с начавшейся «культурной революцией» и ставил, в свою очередь, вопрос о новых формах организации научных исследований в стране. Коммунистическая академия выглядела в этих условиях одним из кандидатов, призванных заменить «старую» Академию в роли высшего научного учреждения⁶⁹.

То, что собранием планировалось и скрещивание различных видов обезьян между собою, а не только обезьян с человеком, не должно вводить нас в заблужде-

Комакадемии экономист-аграрник Л. Н. Крицман заявил: «...Прошу дать мне ответ на вопрос: когда мы организовали Секцию Естественных и Точных наук, то в числе привлекательных тем ставили вопрос о человеке и обезьяне и возможности соединения». Крицману сразу же ответил присутствовавший на заседании М. Л. Левин, сославшись при этом на попытки, предпринятые Ивановым в Африке: «Экспедиция Иванова, отвратительно поставленная, потерпела фиаско»⁶⁸. Последующее показало, что Комакадемия была не прочь «поставить» эти исследования сама.

19 апреля 1929 г. в Кремле под председательством заместителя Горбунова Е. П. Воронова состоялось «Собрание по вопросу о возможности постановки в Сухумском Питомнике опытов искусственного осеменения между антропоидными обезьянами, а также между последними и человеком». Собрание, на котором кроме Воронова, Иванова и Тоболкина, присутствовали О. Ю. Шмидт, А. С. Серебровский, С. Г. Левит, а также ученик Иванова профессор М. М. Зава-

⁶⁸ О Каммерере см.: *Гайсинович*. Зарождение и развитие генетики... С. 301–303; *Koestler, A.* The case of the midwife toad. L.: Pan Books, 1971; о привлечении Фурсикова см.: АРАН. Ф. 351. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 62; о заседании Президиума см.: стенограмму заседания президиума Комакадемии. 23.06.1928 // АРАН. Ф. 350. Оп. 1. Ед. хр. 183. Л. 32.

⁶⁹ См.: Протокол собрания // ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 45. Ед. хр. 19. Л. 53; о конфликте между большевиками и АН см.: *Graham, L. R.* The Soviet Academy of Sciences and the Communist Party, 1927–1932. Princeton: Princeton University Press, 1967; *Перченко Ф. Ф.* «Дело Академии наук» и «великий перелом» в советской науке // Трагические судьбы. Репрессированные ученые Академии наук СССР. М.: Наука, 1995. С. 236–252.

ние: в Сухумском питомнике попросту не было тогда достаточного числа половозрелых обезьян для осуществления этой, первой части проекта. Не случайно, в проекте постановления совещания, предварительно подготовленном Ивановым, о скрещивании обезьян декларативно говорилось только в первом пункте, остальные же – пять из шести пунктов – посвящены именно опытам на женщинах:

2. Опыты гибридизации путем искусственного осеменения женщин спермой антропоида могут [...] быть поставлены только при письменно выраженном со стороны женщин согласии подвергнуться искусственному осеменению спермой антропоида, взять на себя риск опыта и на время опыта подчиняться требуемому режиму изоляции.

3. Опыты должны быть обставлены всеми необходимыми предосторожностями и протекать в условиях строгой изоляции женщин...

4. Опыты должны быть поставлены на возможно большем числе женщин и во всяком случае не менее, как на 5.

5. Научное руководство опытами должно быть всецело возложено на проф. Иванова, в помощь и распоряжение которого необходимо предоставить врача...

6. На проведение вышеуказанных опытов необходимо выделить специальную сумму денег для оплаты расходов, связанных с содержанием опытных женщин, оплатой содержания врача – помощника проф. Иванова, поездок проф. Иванова из Москвы в Сухум и обратно...⁷⁰

Посмотрим, как проходило обсуждение проекта в самой Комакадемии. Уже через 4 дня, 23 апреля 1929 г., было созвано специальное заседание президиума Общества биологов-материалистов, существовавшего при Секции естественных и точных наук. Президиум пришел к следующему мнению: «Считать постановку опытов весьма желательной и своевременной». «Для постоянного наблюдения за этой работой и для всемерной ее поддержки» общество избрало комиссию в составе М. Л. Левина, С. Г. Левита, А. С. Серебровского, самого Иванова, а также члена общества Е. С. Смирнова, энтомолога, в прошлом «механиста» и, в отличие от всех других членов комиссии, – последовательного ламаркиста. По докладу О. Ю. Шмидта решение общества и полномочия комиссии были утверждены президиумом Комакадемии⁷¹.

На состоявшемся вскоре заседании Комиссия постановила: «...Необходимо приступить к обеспечению опыта привлечением к нему возможно большего числа женщин, во всяком случае не менее 5, идейно, но не материально заинтересованных в нем». Вероятно, пункт об «идейной заинтересованности», о котором не было речи в более ранних документах, был для Комиссии особенно важен. В целом на опыты предусматривалось ассигнование достаточно больших средств: 33 100 рублей, которые предполагалось взять из общей суммы, ассигнованной правительством Сухумскому питомнику. Непосредственные приготовления планировалось начать уже «в текущем году», но «до выяснения результатов опыта» никто из участ-

⁷⁰ Иванов И. И. Проект постановления Комиссии, созданной 19/IV 1929 г. при Науч[ном] Отд.[еле] Совнаркома СССР // ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 45. Ед. хр. 18. Л. 140.

⁷¹ В заседании президиума Общества биологов-материалистов, помимо Левита, Левина, Серебровского, Смирнова, а также специально приглашенных Иванова и Тоболкина, участвовали И. И. Агол, М. М. Местергази и Ф. Ф. Дучинский. См.: Протокол заседания Общества биологов-материалистов // ЦГАМО. Ф. 837. Оп. 1. Ед. хр. 1024. Л. 1; см. также Протокол № 12 заседания Бюро Президиума Комакадемии. 1.06.1929 // АРАН. Ф. 350 (Президиум Комакадемии). Оп. 1. Ед. хр. 271. Л. 57; Протокол № 9 заседания Бюро Секции естественных и точных наук. 14.06.1929 // АРАН. Ф. 351 (Секция естественных и точных наук). Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 39.

няется, в лучшем случае, системой договоренностей между участвующими сторонами, призванными гарантировать благо ребенка.

Если же предположить, что на вопрос об отношениях женщины и «гомункулюса» ответ был бы утвердительным, т.е. отношения эти стали бы отношениями матери и ребенка, то из этого, по-видимому, следует вполне «человеческий» статус гибрида, – ведь, несмотря ни на что, эмоциональная и этическая солидарность родителей (в данном случае – настоящей, а не просто «биологической» матери) и детей пока еще остается той элементарной основой, на которой строится и солидарность «видовая», общечеловеческая.

О том, что матери неизбежно полюбят своих детей-гибридов, которые по одной этой причине будут принадлежать человеческому обществу, – писал тогда же, в конце 1920-х гг., в рукописи неопубликованной книги М. Ф. Нестурх. Хотя он и называет матерей – «самоотверженными женщинами», но их любовь, уверяет он, будет совершенно естественной, ведь гибриды не будут ни «уродами» (вероятность уродств, по его мнению, мала), ни патологическими созданиями. Таким образом, гибридов следует включить в состав общества и поставить под защиту закона⁷⁴. Но оставалась бы тогда хоть какая-то возможность отрицать известный этический статус – защиту, в частности, от жестокого обращения – также и за человекообразными обезьянами? Ведь абсолютно равное биологическое расстояние отделяло бы гибридное существо, законно признанное человеком, от обоих родителей.

Мы не знаем, насколько Иванов и другие члены Комиссии были близки к тому, чтобы выполнить свое исходное намерение привлечь к опытам «не менее 5 женщин», но во всяком случае с ленинградской корреспонденткой Иванов поддерживал переписку, ободряя ее обещаниями о скором начале опытов. Уже 23 марта 1928 г., едва получив первое ее послание, Иванов спешно набросал черновик ответа: «М[илостная] г[осударыня], спешу сообщить Вам, что Ваше письмо получил и принимаю к сведению Ваше предложение. Как только это окажется нужным и возможным, обращусь к Вам с письмом». Через восемь месяцев, 12 ноября 1928 г., он сообщал: «Опыты в Сухуме производиться несомненно будут. Задержались они благодаря запозданию прибытия обезьян из-за границы [...] Условия Вашего приезда, как Вам писал, остаются те же (Письмо “с условиями” не сохранилось. – К. Р.)». В 1929 г. Иванов вступил в переговоры и с женщиной-гинекологом, которой предложил проводить опыты в Сухуми и которая чрезвычайно заинтересовалась этим предложением. Однако ленинградской корреспондентке Иванов вынужден был 31 августа 1929 г. ответить, по-видимому, по телеграфу: «Пал оранг. Ищем замену»⁷⁵.

Тарзан умер (очевидно, еще во второй половине июня) от атеросклероза сосудов и кровоизлияния в мозг. По крайней мере отчасти виновато было питание: антропидные обезьяны нуждались в бананах и других тропических фруктах, но холодильных камер, где можно было бы их хранить, в Сухуми, по-видимому, не было. В докладе директора Института экспериментальной эндокринологии, старейшего русского врача профессора В. Д. Шервинского на заседании ученого медицинского

⁷⁴ *Нестурх М. Ф.* О скрещивании между человеком и обезьяной. Машинопись. Конец 20-х – начало 30-х гг. (согласно авторской карандашной надписи на титульной странице). 113 с. Мы глубоко благодарны семье покойного М. Ф. Нестурха, Л. Е. и Е. В. Кавиным, за предоставленную возможность ознакомиться с рукописью.

⁷⁵ См.: О. Топчиева – Иванову. 5.07.1929 // ЦГАМО. Ф. 837. Оп. 1. Ед. хр. 392; Г. Г. – Иванову // Там же. Ед. хр. 349. Л. 2 об., 7 об.

совета Наркомздрава приводятся любопытные данные о том, что из бананов приходилось варить варенье! И сотрудники питомника были рады, когда антропоидные обезьяны соглашались есть любую, пусть даже совсем не подходящую для них пищу. Так, Тарзан одно время ел одни куриные яйца: «От 15 до 18 шт[ук] в день [...] и стал чувствовать себя не особенно хорошо»⁷⁶.

Вероятно, смерть орангутанга рассматривалась Ивановым лишь как временная остановка уже решенного дела. На будущий год были запланированы новые закупки человекообразных обезьян, и, действительно, в 1930 г. в питомник прибыли 5 шимпанзе, хотя мы и не знаем, были ли они половозрелыми⁷⁷. Однако в 1930 г. в судьбе самого Иванова произошли роковые изменения. Кроме смелых экспериментов, «культурная революция» сопровождалась воспитанием своих, новых специалистов и преследованиями, буквально «избиением» старых кадров. Между тем сам Иванов явно относился к людям «бывшим» не только по возрасту и дореволюционному прошлому, но и, что немаловажно, по манере держаться, отказаться от которой было сложнее, чем привыкнуть использовать новые, «правильные» слова о «естественно-историческом мировоззрении» или «просвещении масс». Как и раньше, помочь Иванову могло бы покровительство Горбунова, но, очевидно, позиции его также пошатнулись, после того как непосредственный начальник – председатель Совнаркома А. И. Рыков – был зачислен Сталиным в группу «правых».

В то же время лаборатория Иванова, занимавшаяся вопросами искусственного осеменения домашних животных и существовавшая в конце 20-х – начале 30-х гг. в составе Института экспериментальной ветеринарии, а затем переведенная во Всесоюзный институт животноводства, должна была резко расширить масштаб работ. С началом коллективизации и концентрацией отнятого у крестьян скота на колхозных и совхозных фермах появилась возможность проводить искусственное осеменение в действительно массовых масштабах, за что Иванов вообще-то всегда и выступал. Чтобы справиться с увеличившимся объемом организационных дел, в частности, с переговорами с различными учреждениями, Иванов взял к себе на службу партийного работника О. Ф. Неймана. Тот, не долго думая, сговорился с одним из учеников Иванова В. К. Миловановым и организовал травлю Иванова. Летом-осенью 1930 г. в Наркомземе и в Институте экспериментальной ветеринарии прошла череда собраний и совещаний, на которых Иванова обвиняли, по сути дела, в прямом вредительстве – использовании негодных и дефектных инструментов (катетеров) для осеменения коров. А 13 декабря 1930 г. он был арестован. Горбунов помочь уже ничем не мог, поскольку 30 декабря, сразу же за уходом Рыкова с должности председателя правительства, покинул свой пост и он. Нейман же стал заведующим в бывшей лаборатории Иванова⁷⁸.

На следствии Иванов был вынужден, как позднее писал сыну, под влиянием следователя «ради общественного блага надеть на себя маску бандита»; затем «за участие в контрреволюционной организации» он был сослан на 5 лет в Казахстан. Но в середине 1931 г. – одновременно с постепенным отходом от общей линии «культурной революции» – была, как известно, свернута и кампания против старых спе-

⁷⁶ О смерти Тарзана см.: Я. А. Тоболкин – Иванову, 30.06.1929 // Там же. Ед. хр. 1010; текст выступления Шервинского см. Стенограмму заседания УМС Наркомздрава. 4.01.1929 // ГАРФ. Ф. А-482 (Наркомздрав). Оп. 25. Ед. хр. 478. Л. 41.

⁷⁷ Фридман. История Сухумского питомника обезьян... С. 115.

⁷⁸ Часть связанных с травлей Иванова документов находится в его архивном фонде // ЦГА-МО. Ф. 837. Оп. 1. Ед. хр. 709–713, 749, 889, 896.

диалистов: к тем из них, кто уцелел и остался на свободе, предписывалось теперь относиться «внимательно» и «заботливо», а части из ранее сосланных было разрешено вернуться обратно. После письма одному из руководителей государства (предположительно М. И. Калинин) Иванов был 1 февраля 1932 г. досрочно освобожден от ссылки с правом жить в любом месте СССР. Однако здоровье его было подорвано, и 20 марта 1932 г. Иванов скончался от кровоизлияния в мозг, «накануне, – отмечалось в некрологе, – намеченного отъезда в Москву и на курорт для отдыха и лечения»⁷⁹.

Если бы не смерть, то Иванов, скорее всего, смог бы продолжить свою деятельность по искусственному осеменению домашних животных, хотя, возможно, и не в прежнем своем институте, а в каком-то другом учреждении. Однако представившийся ему в конце 1920-х гг. исторический шанс – проводить «смелые» эксперименты гибридизации человека и обезьяны, противопоставляя их «буржуазной науке», – был все равно безвозвратно упущен. С одной стороны, в результате продолжавшейся борьбы философских направлений в Комакадемии старое руководство Секции естественных и точных наук (Шмидт, Левит, Левин, Агол) вынуждено было к концу 1930 г. уйти. С другой стороны, в жизни советского общества появились новые идеологические запреты и табу. Одним из них стал запрет на «биологизацию», или «перенесение» биологических закономерностей на явления общественные. И что уж говорить о планировавшихся Ивановым опытах, если под удар попала даже дарвиновская теория антропогенеза! Так, когда после долгого перерыва и под новым названием в 1932 г. возобновил издание «Антропологический журнал» (до этого – «Русский антропологический журнал»), то в открывшей номер редакционной статье особо подчеркивалось, что в прошлом советские антропологи излишне увлекались биологической стороной антропогенеза, пренебрегая «социальной» стороной и предавая забвению теорию Ф. Энгельса, которая должна отныне дополнять теорию Дарвина. Именно тогда прекращает существование и советская евгеника, хотя в каких-то своих разделах и возрождаясь позднее, в 1930-е гг., под «покровительственной окраской» медицинской генетики. Академик В. Н. Сукачев, создатель учения о «растительных сообществах», вынужден в это же время переделать международно признанное название своей науки: из «фитосоциологии» она в Советском Союзе (и только ко здесь!) становится «фитоценологией»⁸⁰.

Хотя до сих пор трудно сказать, когда и кем впервые был использован ярлык «биологизации», однако очевидно, что критика «чрезмерно» близких связей биологического и социального (и даже чисто языковых аллюзий!) стала предвестником и одним из первых проявлений скорого уже сворачивания «культурной революции» и прекращения экспериментов в культуре, образовании и науке. В частно-

---

⁷⁹ См.: И. И. Иванов, письмо сыну // ЦГАМО. Ф. 837. Оп. 1. Ед. хр. 298. Л. 4; Письмо Центрального Архива КГБ СССР в Институт истории естествознания и техники АН СССР, N 10/АН-464. 7 июня 1991 г. (копия – в распоряжении автора); *Сталин И.* Новая обстановка – новые задачи хозяйственного строительства (Речь на совещании хозяйственников). 23.06.1931 // Правда. 1931. 5 июля; *Русанов М. П.* Профессор И. И. Иванов (некролог) // Природа. 1933. N 5/6. С. 142–144.

⁸⁰ О критике «биологизации» см.: *Adams, M.* Eugenics in Russia, 1900–1940 // *Idem.* The wellborn science: eugenics in Germany, France, Brazil, and Russia. N.Y.: Oxford University Press, 1989. P. 153–216; см. также: [Редакционная статья]. За советскую антропологию // Антропологический журнал. 1932. № 1. С. 1–2; *Сукачев В. Н.* Из истории возникновения и развития советской фитоценологии // *Анналы биологии.* М.: Московское об-во испытателей природы, 1959. Т. 1 [издание продолжено не было]. С. 118–119.

сти, Комакадемия, созданная для большевизации «старой» науки, в начале 30-х гг. стала терять свое значение, а в 1936 г. была вообще закрыта. Другим проявлением все тех же политических и культурных сдвигов (американский социолог Н. Тимашев назвал их, в противоположность «великому перелому» конца 20-х – начала 30-х гг., «великим отступлением» – «the great retreat») стало инициированное «сверху» постепенное возвращение в 30-е гг. к «традиционным» семейным ценностям. Можно сказать, что в культурно консервативном, пуританском сталинском государстве и к «необычному» женскому поведению стали относиться намного с большим недоверием, чем раньше – не только во время культурной революции, но и, пожалуй, в 20-е гг. в целом.

Как отмечалось во второй главе, проблема гибридизации человека и обезьяны обсуждалась в XX в. неоднократно исследователями в разных странах мира. Тем не менее после Иванова никто, насколько нам известно, осуществить эти опыты не пытался. Одна из причин – чисто методического свойства. Наиболее крупным центром изучения человекообразных обезьян стал приматологический центр Р. Иеркеса в США, который приступил к выращиванию и изучению в широких масштабах шимпанзе после получения специального гранта от Рокфеллеровского фонда в 1929 г. Однако там довольно быстро добились естественного размножения человекообразных обезьян в неволе, так что методика искусственного осеменения осталась невостребованной и незнакомой приматологам вплоть до середины 70-х гг., когда впервые была применена для размножения шимпанзе⁸¹.

В итоге, вопрос о том, были ли опыты Иванова простым историческим курьезом, либо (так же, как в работах по искусственному осеменению домашних животных) он на много лет опередил ученых других стран, зависит от нашего отношения к этической стороне дела. В Советском Союзе 20-х гг. его идеи стали осуществимы благодаря сочетанию двух факторов: веры в науку и скептически-враждебного отношения к «традиционным» ценностям, готовности «наплевать» на «общепринятую», или «мещанскую» мораль, коль скоро запреты не могут быть объяснены рациональными, понятными доводами. Но так ли уж это сочетание уникально, учитывая, что и современные общества по-своему преклоняются перед силой и возможностями науки, а, с другой стороны, пересмотр традиционных ценностей вовсе не закончился с культурными экспериментами 20-х гг.? Возможно, впрочем, что еще одним условием, необходимым для подобных опытов, является и некая «положительная» нравственная задача, решению которой эти опыты могли бы способствовать. И не услышится ли тогда, коль скоро такая задача найдется, в истории опытов Иванова – «музыка будущего»?

Заключение

Следует признать, что тот вопрос, с которого мы начали эту статью, – почему проведенные путем искусственного осеменения опыты скрещивания человека с обезьяной *должны* вызывать отвращение? – так и остался без ответа, если не считать, разумеется, криминальных попыток Иванова поставить опыты на африканских женщинах без их ведома и согласия. Но в то же время выяснилось: чувство «отвра-

⁸¹ Haraway, D. Primate visions: gender, race, and nature in the world of modern science. L.: Routledge, 1989. P. 72; Hardin, C. J., Liebherr, G., Fairchild, O. Artificial Insemination in chimpanzees // International Zoo Yearbook. 1975. Vol. 15. P. 132–134; Martin, D. E., Graham, Ch. E., Gould, K. G. Successful artificial insemination in the chimpanzee // Symposia of the Zoological Society of London. 1978. Vol. 43. P. 249–260.

щения» не является на самом деле ни очевидным, ни естественным. В частности потому, что в пользу подобных экспериментов высказывались, как мы видели, очень многие, и не только горячие приверженцы идеи, как, например, сам Иванов, Г. Роледер, Г. М. Б. Мунс или М. Ф. Нестурх. Вполне сочувственно об опытах отзывались такие видные ученые, не связанные с Ивановым непосредственными научными интересами, как Э. Ру, А. Кальметт, Г. А. Кожевников, Н. И. Вавилов, В. И. Вернадский, которых при этом нельзя, «при всем желании», назвать ни «маргиналами», ни, тем более, «изгоями» научного сообщества. Наконец, даже когда Иванов выбрал новую стратегию, которая в глазах окружающих была намного более радикальной, чем опыты на обезьянах, и решил проводить эксперименты на советских женщинах, то нашел поддержку в Коммунистической академии, и опять-таки среди поддержавших его были крупные исследователи – генетики А. С. Серебровский и С. Г. Левит. И следовательно, обсуждение вопроса о нравственной допустимости или, напротив, запрете экспериментов «гибридизации» человека и близких ему видов необходимо, а подменять обсуждение шельмованием ученого, попытавшегося эти опыты осуществить, неправильно и непродуктивно.

С другой стороны, чувство «естественного» негодования несет на себе явный отпечаток общественного неравенства и связанной с ним избирательности нравственных оценок. Так, например, задумывавшиеся о подобных опытах расисты – Э. Геккель, Г. Роледер, Г. М. Б. Мунс – считали опыты осеменения самок обезьян спермой негров не только допустимыми, но, похоже, и нравственно нейтральными, однако, скорее всего, были бы возмущены, если бы донорами спермы были белые. Куда как ярко предубежденность эта проявляется и в том, что мы и сейчас склонны по-разному относиться к добровольному участию в подобных опытах мужчин – доноров семени – и женщин, которые пожелали бы стать матерями гибридов. Последнее, по-видимому, вызывает у нас намного большее негодование, несмотря на, казалось бы, признаваемую в принципе равную ответственность мужчин и женщин перед своим потомством. И в этом смысле история опытов Иванова предстает как свидетельство какой-то удивительной неподлинности чувств, в том числе наших собственных. Это и заставляет задаться вопросом: а есть ли вообще у границы между человеком и наиболее близкими к нему видами обезьян объективный, т. е. не зависящий от наших интересов и чувств нравственный смысл? И если мы действительно хотим видеть эту последнюю остающуюся в нашем мире «естественную» границу незыблемой, то есть ли за нашим желанием что-то еще, кроме вполне очевидного видового эгоизма, – заинтересованности в собственном исключительном положении?

При оценке нравственно неоднозначных экспериментов современная биоэтика исходит исключительно из понятия вреда, причиняемого личности. И даже в тех случаях, когда индивидуальное сознание не выражено вообще или выражено слабее, чем у обычных людей, оценивающие эти опыты все равно апеллируют к «личностным» ценностям. Так, возражающие против экспериментов с человеческими эмбрионами исходят из того, что это – «потенциальные» люди, и им попросту «не дают» родиться. Этические сомнения, которые многие испытывают в связи с новыми методами дородовой диагностики, позволяющими определять болезнь Дауна у человеческого эмбриона и вслед за тем прерывать беременность, обусловлены тем, что предупреждается-то вовсе не болезнь, а само появление на свет конкретных личностей, – пусть и страдающих от умственной неполноценности, но при этом вполне уникальных.

Между тем, пытаясь обосновать недопустимость гибридизации и отпавляясь от идеи личного вреда, мы приходим, в лучшем случае, к сомнительному результату.

Так, наше негодование можно действительно объяснить сочувствием к гибриду, которое мы испытываем потому, что в нем заключена часть «нас», – наши человеческие гены, обреченные на соседство с обезьяньими. Справедливо и то, что из-за разного числа хромосом у обоих родителей нельзя исключить и болезненных особенностей строения и развития (пусть даже М. Ф. Нестурх и другие ученые считают иначе). Однако парадокс ситуации заключается в том, что «человеческое» здесь не какая-то «часть» возникающего гибридного организма, которую можно легко отделить от привнесенного обезьяной, – а значит, наше сочувствие будет неизбежно обращено к гибриду как к «целому». Располагаясь в эволюционном промежутке между человеком и обезьяной, гибрид находился бы ровно посередине между обоими родительскими видами, и, ощущая солидарность и сочувствие к нему, мы должны были бы, казалось, испытывать его и к человекообразным обезьянам, а они между тем продолжают использоваться в лабораторных экспериментах, в том числе самых жестоких. С какой же стати, в самом деле, воздвигать здесь новую границу, – теперь уже между гибридом, достойным человеческой солидарности, и обезьяной, ее недостойной? Тем самым гибридное существо, пусть даже воображаемое, превращается в своего рода «средство» для того, чтобы ощутить солидарность и сочувствие к представителям другого вида.

В данном случае личное участие и сочувствие должны, по-видимому, считаться опасными. Нам дорого представление о человеческом «виде» (или согласно традиционному, а не научному словоупотреблению – человеческом «роде») как особой «сущности», не сводимой лишь к сумме отдельных, личных интересов. И мы понимаем, что опыты скрещивания на это представление посягают. Но в то же время есть ведь и масса доводов в пользу того, чтобы рассуждения о «неприкосновенной сущности» вообще отбросить.

Стремясь пробить брешь в непроницаемой перегородке, существующей между нами и другими видами, мы как будто подрываем идею безусловного и нераздельного владычества человека над остальным миром, – идею нездоровую и даже губительную не только для «природы», но и для «культуры». Правда, желание породниться с «природой» не только душою, но также плотью и кровью выглядит страшным кощунством, но не является ли оно – это «нисхождение» человека – естественной и психологически понятной реакцией на не менее кощунственное стремление, для которого никто и ничто из находящегося за пределами человеческого общества и культуры не обладает ни самостоятельной ценностью, ни достоинством?

При этом «замкнутость» нашего вида не является более очевидным и непреложным фактом, с которым никому ничего (даже при всем желании) «не под силу» сделать. Коль скоро это, натуралистическое понимание более «не работает», то остается понимание человеческого вида как общности культурно-исторической. Но все подобные общности предполагают *свободу выбора*. И до сих пор признание прав других, отличающихся от «нас» людей приводило к тому, что границы между «нами» и «ними» переставали быть чем-то естественным и безусловным. Так должна логика защиты других видов стать продолжением все той же освободительной логики, еще одним шагом по пути, по которому европейский мир следует, по крайней мере, со времен Реформации, – обесценивания «обязательных» границ и «естественных» общностей в пользу свободного выбора личности?

Если «нет», и если, следуя внутреннему убеждению, мы признаем непреложность видовых границ, то означает ли это, что мы будем столь же жестоки к своим самым близким родственникам, как и прежде? А если «да», то значит ли это, что у личности есть не только право добровольно покидать «ряды» своих сопле-

менников, единоверцев, сограждан, право, наконец, отказываться от гендерной и даже половой идентичности, но и право выходить из «рядов» человечества, предоставляя свои половые клетки для создания гибридных организмов или межвидовых химер? И следовательно, является ли наша видовая идентичность всего лишь «частью» идентичности личной, и тем самым – *правом* личности (от него она, как от всякого права, может, если захочет, отказаться), а вовсе не «кем-то» (кем?) возложенной обязанностью? Еще в первой половине XIX в. немецкий философ М. Штирнер писал о человечестве как об инстанции деспотического авторитета, совершенно такой же, как государство, организованная религия или нация.

Тем самым мы возвращаемся к поднятой еще во Введении проблеме: новые технические возможности геной инженерии и клеточной биологии нуждаются в осмыслении не только потому, что грозят разрушить значимые для нас ценности, но и потому, что оказываются связаны – практически немедленно – с новым нравственным содержанием, сама возможность которого могла до этого не приходиться нам даже в голову. Настоятельность подобного осмысления обусловлена, в частности, ведущимися в настоящее время дискуссиями о «правах» животных. В отличие от антививисекционистов первой половины XX в., выступавших за «гуманное» обращение с животными⁸², современные их защитники все больше склоняются к концепции присущих другим видам элементарных прав. А значит, и аргументы о биологической близости человекообразных обезьян к человеку приобретают в этом контексте особое нравственное значение. Тем более, что за последние десятилетия накопилось много новых данных о подобной близости, в частности об интеллектуальных способностях человекообразных обезьян. Так, в экспериментах по обучению горилл и шимпанзе азбуке глухонемых (говорить они не могут из-за особого устройства гортани) доказано, что эти «животные» в состоянии освоить несколько сотен, а возможно, и более тысячи слов. При этом употребляют они их осмысленно и даже изобретают новые («глазошляпа» – для обозначения маски, «браслет на пальце» – для впервые увиденного колечка)⁸³. И хотя умственный возраст высших обезьян соответствует, согласно результатам тестирования, возрасту трех- или даже двухлетнего ребенка, они, как опять-таки подчеркивают психологи, в состоянии сознавать себя как личности, – в отличие от всех других видов, за исключением, быть может, дельфинов.

Пожалуй, неудивительно, что в рамках движения за права животных возникла группа «Равенство за пределами человечества (Equality beyond Humanity)», или «Проект высшие обезьяны (The Great Ape Project)», руководимая и вдохновляемая исследовательницей шимпанзе Дж. Гудэйл (J. Goodall), философом П. Сингером (P. Singer), а также биологом-эволюционистом Р. Доукинсом, автором нашумевших книг «Эгоистичный ген» и «Слепой часовщик». Принятая этой группой «Декларация» открывается словами: «Мы требуем расширения сообщества равных и включения в него всех высших обезьян: людей, шимпанзе, горилл и орангутангов». Равенство это, конечно, весьма условно, поскольку обезьяны не в состоянии отстаивать свои права в человеческом обществе, однако им должна быть гарантирована такая же защита, как, например, детям, почему и необходимо назначение закон-

⁸² Подробнее см.: Lederer, S. E. *Subjected to science: human experimentation in America before the Second World War*. Baltimore; L.: The Johns Hopkins Univ. Press, 1995. P. 140–141.

⁸³ Kevles, B. *Thinking gorillas: testing and teaching the greatest ape*. N. Y.: E. P. Dutton, 1980. P. 144.

Таким представляет себе гибрид человека и шимпанзе Р. Доукинс, используя компьютерную композицию, созданную американской художницей Н. Бёрсон (Burson, N. Evolution II). Публикуется с разрешения Н. Бёрсон

но признанных опекунов⁸⁴. «Освобождение» имеет смысл и по той причине, что до сих пор антропоидные обезьяны являются объектом купли-продажи, – при этом даже самые «интеллектуально продвинутые», как, например, те, которые обучаются человеческому языку. И эта группа сторонников «человеческих» прав обезьян почти уже добилась принятия специального закона парламентом Новой Зеландии, запрещающего использование человекообразных обезьян в медицинских и во всех прочих опытах, не служащих непосредственно интересам самой обезьяны.

Разумеется, различия между человеком и человекообразными обезьянами остаются, по всем меркам, весьма значительными, и можно было бы предположить, что с этими видовыми различиями все-таки сопряжен некий важный нравственный смысл. Но, как подчеркивает Р. Доукинс, биологические виды не являются, с точки зрения современ-

ного дарвинизма, «сущностями», а границы между ними условны, что и не позволяет рассматривать эти границы как ценность. Так, отсутствие промежуточных форм между человеком и человекообразными обезьянами является простой исторической случайностью. Можно представить себе, что эти формы, например, австралопитеки, могли бы и сохраниться в каком-нибудь затерянном уголке Земли. «Я был бы рад с ними познакомиться», – говорит Доукинс и продолжает:

Если предположить, что кому-то удалось бы получить гибрид между шимпанзе и человеком, то новость эта потрясла бы мир. Церковные иерархи принялись бы нести вздор, юристы – втайне злорадствовать, консервативные политики – метать громы и молнии, социалисты не знали бы, где воздвигнуть свои баррикады. Совершивший этот поступок ученый был бы с позором изгнан вон из политически корректного общества, его бы поносили с амвона и в бульварной прессе; а какой-нибудь аятолла, пожалуй, проклял бы его в своей фетве. Но политика, теология, социология, психология и большая часть философии навсегда бы стали иными. Мир, который можно так глубоко потрясти, – таким случайным, произвольным событием, как гибридизация, является несомненно специцистским, находящимся под властью дисконтинуального разума⁸⁵.

Подчеркивая, что видовые границы не могут быть осмысленной нравственной ценностью, Доукинс находится в полном согласии с основоположниками синтетической теории эволюции Ф. Г. Добржанским и Э. Майром, объявившими настоя-

⁸⁴ A Declaration on great apes // The great ape project / Ed. by P. Cavalieri, P. Singer. L.: Fourth Estate, 1993. P. 4–7.

⁸⁵ Dawkins, R. Gaps in the mind // The great ape project...

щую войну «типологической», или «эссенциалистской» концепции вида. Границы между различными биологическими видами для них не следствие сущностных (типологических) различий, а результат действия вполне конкретных «изолирующих механизмов» (термин Добржанского). Эти механизмы принудительно разобщают – за счет физиологических и поведенческих адаптаций – когда-то единые популяции, делая скрещивание невозможным и создавая условия для последующего «наполнения» дивергирующих групп различным (случайно различным!) генетическим содержанием, что и заставляет *потом уже* видеть в них сущности. И в этом смысле типологические различия фиктивны, значение же имеют исключительно индивидуумы и их популяции, с которыми, собственно, и «работает» естественный отбор. В роли единственно возможной, мыслимой типологической категории Добржанскому видится представление о едином человечестве⁸⁶.

Но почему, с какой, спрашивается, стати, одиноко высящееся человечество должно оставаться последним прибежищем эссенциализма? Ведь если сущностных, типологических различий, с точки зрения биологии, нет, то руководствоваться следует различиями индивидуальными и статистическими, а мы при этом знаем, что разница между интеллектуальными способностями среднего человека и среднего шимпанзе *меньше*, чем индивидуальные различия внутри человеческого вида, – например, между «нормальным» человеком и не обладающим сознанием собственной личности «идиотом»⁸⁷. Здесь можно было бы указать на то, что отличает нас не столько «биология», сколько присущая человеку культура и история. Но разве, – могли бы мы спросить, – содержание культуры не заключается в воспитании сочувствия к «другому», к страдающему и угнетенному существу? И разве содержание истории – не в расширении круга тех, на кого распространяются наше сочувствие и этическая защита? Возможно, идее естественной общности придется окончательно капитулировать перед принципом личности.

Доукинс не призывает к опытам гибридизации, рассматривая их лишь как гипотетический случай. Тем более что, по его мнению, доводы «кровного родства» не должны быть для нравственной философии решающими. Легко представить себе, что близкого к человеку интеллектуального уровня могли бы достичь эволюционно далекие от него организмы, например головоногие моллюски, которым в этом случае и следовало бы предоставить соответствующие «права». С другой же стороны, отмечает он, живем мы совсем не в идеальном мире, реальный же – населен людьми, мало что понимающими в биологии и очень мало интересующимися другими видами. И это на самом деле звучит почти как приглашение для тех, кто, возможно, считает, что опыты гибридизации способны заставить всеобщее равнодушные отступить, а толстокожего обывателя – признать права животных.

У подавляющего большинства подобная перспектива способна вызвать лишь ужас. Осознание растущих возможностей современной биотехнологии уже заставило многих задуматься о необходимости специальных законов, которые запретили бы создание «гибридов» человека и животных. Об этом, в частности, пишет американский политолог Ф. Фукуяма⁸⁸. Однако при помощи полицейских запретов

---

⁸⁶ Dobzhansky Th. On types, genotypes, and the genetic diversity in populations // Genetic diversity and human behavior / Ed. by J. N. Spuhler. Chicago: Aldine Publ. Co., 1967. P. 6.

⁸⁷ См.: Cavalieri, P. Les droits de l'homme pour les grands singes non humains? // Le Debat. 2000. № 108.

⁸⁸ Fukuyama, F. Our post-human future: consequences of the biotechnology revolution. N.Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2002.

никогда еще не удавалось справиться с теми, кто полагал, что действует, исходя из лучших и высших побуждений. И коль скоро речь здесь идет о нашем «праве за-прещать», то и основываться следует не на «эмоциях», а лишь на ясных, убедительных аргументах.

В прошлом – возможно, еще во времена Иванова – сам страх потери человеческой «сущности» шел рука об руку и прямо подпитывался страхом перед «низшими» членами самого общества, будь то бунтующие народные «массы», разнузданные, забывшие свое «истинное» назначение женщины или «низшие» расы, а сравнение с «животным» служило орудием социальной стратификации. Само различие «человека» и «животного» было своего рода продолжением, если угодно, «предельным случаем» и, тем самым, «частью» более общего класса иерархических, воспринимавшихся при этом как «естественные», различий между самими людьми. Иерархические различия и социальные перегородки преодолевались и преодолеваются апелляцией к универсалистскому, общечеловеческому этосу. Но если мы не верим больше ни в прирожденное неравенство людей, ни в органическое строение общества, – то из какого же более общего источника морального авторитета следует этическая обязательность наших видовых границ, которые в противном случае, если такого нового источника не отыщется, попросту «повиснут в воздухе»? И не ослабеет, не исчезнет ли тогда совсем и наша эмоциональная реакция против опытов скрещивания, оказавшись на поверку лишь унаследованным от прошлого пережитком?

Ответы на эти «человеческие» вопросы следует, по-видимому, искать за пределами человеческого общества. Что бы там ни говорили современные дарвинисты, а «сущностные» различия существуют. Уже давно некоторых приматологов волнует вопрос о том, развиваясь в тесном контакте с человеком и вне своего стремительно сокращающегося естественного ареала обитания, высшие обезьяны теряют свою самобытность, – тот собственный социальный опыт, который заложен вовсе не в генах (или – не только в них), а передается и приобретает в естественной популяции себе подобных таким же образом, как у нас передаются знания, навыки, а также культурные и нравственные ценности⁸⁹. Исследователи все чаще задумываются над тем, что иные способы отношений, в частности, способы разрешения конфликтов, реализуемые у наших ближайших родственников, не столько примитивны, сколько альтернативны нашим, и нет ничего невозможного в том, что не мы, а другая ветвь антропоидных обезьян достигла бы в ходе эволюции стадии настоящей культуры и общественности, не обладая при этом нашими пороками (хотя, скорее всего, имея свои собственные)⁹⁰. В этом смысле мы признаем за человекообразными обезьянами «эссенциальное», не зависящее от нашей воли достоинство, уважая, если угодно, нереализованную возможность развития, отличную от пути, пройденного нами.

Тем самым запрет на создание гибридов человека и человекообразных обезьян может быть продиктован не только ужасом перед «низшими» существами и не только нашими собственными, «шкурными» интересами, но и определяться с позиций уважения к другим видам. С точки зрения новозеландского закона о правах антропоидных обезьян, скрещивание с человеком может выглядеть также как недопустимое злоупотребление доверием: обезьяны эти достаточно развиты интеллектуально, но

⁸⁹ Kevles. Thinking Gorillas... P. 153.

⁹⁰ Wrangham, R., Peterson, D. Demonic males: apes and the origins of human violence. Boston; N. Y.: Houghton Mifflin Co., 1996.

все же, как дети, не могут сами принимать ответственных решений. И по-видимому, уважение и солидарность с другим видом как раз и требует здесь отказа от навязывания наших генов, от недопустимой «экспансии», захвата территорий, человеку не принадлежащих. Запрет будет этически обоснованным, поскольку в виду здесь имеется не наш эгоистический интерес, а соблюдение «чужого» блага.

Неприемлемыми представляются и опыты, ставящие целью создание трансгенных человекообразных обезьян, а равно искусственная гибридизация горилл, шимпанзе и орангутангов между собой. Эту позицию запрета, накладываемого даже на отдельные эксперименты, едва ли возможно защищать по отношению к менее совершенным и «интеллектуальным» видам. С другой стороны, в последние десятилетия распространяются опасения, что широкое и неконтролируемое использование генетически модифицированных (трансгенных) организмов ставит под вопрос существующие в природе видовые границы, и в результате многие привычные нам виды растений и животных могут потерять свой неповторимый облик. Некоторые биологи пишут о загрязнении биосферы искусственно созданными генетическими «конструкциями», понимая под загрязнением в том числе (а иногда и прежде всего) этический и эстетический аспекты проблемы. Многие из них, испытывая искреннюю любовь к существующим ныне видам животных, обращают особое внимание на важность сохранения видовой идентичности, хотя и вступают тем самым в противоречие с господствующим пониманием биоразнообразия, которое делает все же упор на сохранении генофонда, «запаса» отдельных признаков и генов, а не фиксированных видовых границ⁹¹.

В конечном же итоге проблема эссенциализма является проблемой нравственного выбора, заключающегося в определении «себя». Совсем недавно, отвечая на вопрос: что делает нас чем-то большим, чем группой, существующей по взаимному соглашению своих членов? – можно было ограничиться натуралистическими доводами, указав на отделяющее от других видов биологическое расстояние и невозможность его преодолеть, даже если кому-то «захочется». Но поскольку эти времена в прошлом, то и нравственная обязательность границы невозможна более без присутствия за ее пределами «значимого другого» – иного или иных видов живых существ. И ценность представляет тогда не идея абсолютной власти над природой и миром и не основывающиеся непосредственно на этой идее «наши» границы, а идентичность и границы – «чужие».

---

⁹¹ См.: *Вепринцев Б. Н., Потт Н. Н.* Стратегия сохранения животного и растительного мира Земли // Консервация генетических ресурсов. Методы, проблемы, перспективы. Пушино: Институт биофизики Пушинского научного центра АН СССР, 1991; *Rifkin, J.* The Biotech century: harnessing the gene and remaking the world. N. Y.: J.P. Tarcher / Putnam, 1999. P. 100–102.